

КАРТА ДЛЯ ТУМАНА

ЛИЛИЯ АСТРИНА

Лилия Астрина

Карта для тумана

<https://litres.ru/74690307>

SelfPub; 2026

Аннотация

В приморской Морянке туман каждую осень создаёт новые отмели, а жители расплачиваются за безопасный берег памятью об именах. Картограф Левера привыкла верить точным линиям и цеховым печатям, пока на карте не появляется имя человека, которого никто не помнит.

Расследование приводит её к поселению неузнанных и старому обману: цена общей гавани никогда не была добровольной. Теперь старший цеха готов отдать туману имя самой Леверы, чтобы навсегда закрепить берег. До девятого прилива ей предстоит доказать, что польза большинства не делает тайную жертву честной, вернуть людям право на собственные имена и начертить карту, способную сказать не только где находится земля, но и кто за неё заплатил.

«Карта для тумана» — самостоятельное морское фэнтези о памяти, ответственности и праве человека не становиться ценой чужого спасения.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Берег, которого не было вчера	5
Глава 2. Дань на дверной доске	20
Глава 3. Честная цена тумана	37
Глава 4. Старший цеха знает больше	54
Глава 5. Лодочник без обращения	68
Глава 6. Свидетель, которого нет	90
Глава 7. Первая карта прилива	106
Глава 8. Имя сестры на весах	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Лилия Астрина

Карта для тумана

От автора

Берег кажется надёжным, пока вода не сдвинула его за одну ночь. Имя кажется неотъемлемым, пока знакомый человек не проходит мимо и не узнаёт ваш голос.

Эта история — о цене, которую удобно считать маленькой, когда её платит кто-то другой. О ремесле, способном защищать людей и одновременно прятать от них правду. И о честном обмене, для которого недостаточно пользы: нужно ещё знать, что именно отдаёшь, иметь право отказаться и понимать, когда обязательство закончено.

Морянка, её карты, туман и жители вымышлены. Но вопрос, который они задают, вполне земной: остаётся ли согласие честным, если человеку показали только выгоду и спрятали цену?

Глава 1. Берег, которого не было вчера

Левера спустилась с крыльца прежде, чем первый петух решил, что уже утро, и сразу увидела: море опять солгало о расстоянии.

Вчера от крайней сваи коптильни до воды было двенадцать шагов по мокрым мосткам. Теперь под сваей лежал песок — гладкий, серый, ещё не тронутый ни сапогом, ни крабом. Он тянулся к белой стене тумана так далеко, что брошенный камень не долетел бы и до середины. Волны шумели где-то за этой стеной, приглушённо, словно море отвернулось и говорило в ладони.

На нижней перекладине крыльца сидела Мара и завязывала высокий сапог. Она была старше Леверы на шесть лет и каждое утро выглядела так, будто уже успела прожить день и осталась им недовольна.

— Не наступай, — сказала Левера.

Мара замерла с ногой над новым песком.

— Я здесь живу сорок два года. Ты правда думаешь, что я не отличу подаренный берег от настоящего?

— В прошлом месяце ты отличила его после того, как провалилась по колено.

— Значит, теперь у меня есть опыт.

Левера вынула из кожаного футляра мерную бечеву. На ней через каждую сажень были вплетены узлы: чёрный, синий, снова чёрный, а десятый — медная бусина. Бечева пахла дёгтем, солью и её руками. В другом футляре лежали три латунных штыря, молоток, складная линейка, дощечка для записей и мел, который нельзя было мочить морской водой. Обычный набор берегового картографа. С ним Левера могла доказать, где сегодня кончалась Морянка. Где она будет кончаться завтра, не доказывал никто.

Она забила первый штырь у старой сваи и обвязала его свободным концом бечевы.

— Держи натяжение.

Мара взяла верёвку двумя пальцами.

— Если туман утащит тебя до завтрака, коптильня останется мне целиком?

— Она и так твоя целиком.

— Тогда не дам ему тебя утащить. От тебя хоть лестница осталась бы.

Левера усмехнулась, но на песок не шагнула. Сначала присела и провела над ним ладонью. Отмель отдавала холодом. Не зимним и не водяным — холодом комнаты, из которой только что вынесли человека. На поверхности поблёскивали крупинки ракушки. Среди них не было ни водорослей, ни щепок, ни рыбьей чешуи. Туман умел делать берег чистым, как новая доска, но не умел сделать его старым.

— Что отдали вчера? — спросила Левера.

— Сборщики проходили по верхней улице. Младшая Рубина сказала, что по одному домашнему имени с двери.

— По букве.

— По букве из имени. Я знаю, как это называется.

Левера посмотрела на табличку над дверью коптильни. На ней были вырезаны три имени: Мара, Левера, Кост. Имя отца, умершего одиннадцать лет назад, с двери не снимали. Так возвращавшиеся с моря знали, к какому дому пристать, если ночь заставляла их в тумане. В имени Мары первая буква была свежо подскоблена. Светлое пятно на тёмной сосне походило на незажившую царапину.

— Ты разрешила?

— Я поставила знак на сборном листе. Как все.

— Ты читала условие?

— Я коптила камбалу. Сборщик прочёл вслух: одна буква до конца девятого прилива за отмель перед нижним рядом. Вот она, отмель. Значит, не обманул.

Мара кивнула на песок с таким видом, будто туман был поставщиком дров и наконец привёз заказ без недостачи.

— А какую букву ты отдала?

— Первую.

— Как она звучит?

Мара открыла рот и нахмурилась. Пальцы её стиснули бечеву.

— Как первая буква моего имени.

— Какая?

— Не начинай с утра свою цеховую пытку. Пиши: отмель есть, ширина такая-то. Люди ждут, куда ставить лодки.

Левера поднялась. Ответ ей не понравился, но спорить на новом берегу было нельзя. Всё, что произносили рядом с туманом, могло стать частью обмена, если одна сторона сочтёт это обещанием, а другая — ценой. По крайней мере, так учили младших картографов. Старшие потом добавляли, что туман не ловит слова, как ростовщик, и всё же сами никогда не ругались с ним вслух.

Левера обула на сапоги плоские болотные накладки. Широкие ивовые рамки распределяли вес. Первый шаг она сделала рядом со сваей, второй — по линии бечевы. Песок промялся на толщину ногтя и выдержал.

— Один, — сказала она.

Мара отпустила бечеву с катушки на поясе.

Левера двигалась прямо к туману и считала шаги. На десятом вбила второй штырь. Проверила уклон линейкой с пузырьком рыбьего жира в стеклянной трубке. Склон шёл к морю слишком ровно. Настоящий прилив оставлял борозды и ямки, раскладывал ракушки полосами, ссорился с каждым камнем. Здесь словно кто-то провёл огромной ладонью.

На двадцать шестом шаге она нашла первую трещину. Та была тонкой, извилистой и тянулась поперёк отмели. Левера присела, воткнула щуп. Под ладонь, под локоть, глубже. Щуп не встретил воды.

— Держит? — крикнула Мара.

— Пока да.

— Очень обнадеживает это твоё «пока».

Из домов на сваях начали выходить люди. Кто-то нёс корзины с якорными камнями, кто-то — деревянные сходни. Дети, которых не удержали матери, сбегали на нижний мосток и глазели на отмель. Рыбаки спорили, сколько лодок поместится у нового края. Всем хотелось получить пользу раньше, чем цех поставит колышки и назначит плату.

— Не сходить! — крикнула Левера. — Пока не поставлю синие вехи, берег не примят.

— Мы только глянем, — ответил старый Вескар.

— Смотрите с мостка. Глаза легче вытаскивать из песка, чем сапоги.

Среди смешков один мальчишка всё-таки опустил ногу, но Мара поймала его за ворот и вернула на доски.

Левера дошла до тумана на сорок третьем шаге. Белизна стояла перед ней отвесно. Она не клубилась и не ползла; от её неподвижности делалось не по себе. У самых сапог песок уходил внутрь белой стены, а бечева исчезала уже в локте от руки.

Чтобы измерить край, требовалось войти.

Левера привязала к поясу сигнальный колокольчик, проверила узел и подняла ладонь Маре. Та намотала бечеву на предплечье. Они делали это сотни раз. Один короткий рывок означал: отпускаяй. Два: держи. Три: тащи, не разбираясь.

В тумане звук изменился сразу. Голоса со свай стали плос-

кими и далёкими. Колокольчик возле самого бедра звякнул будто на другой улице. Левера сделала шаг, другой. Капли оседали на ресницах, но лицо оставалось сухим. Туман здесь был не водой, а памятью о воде.

Под ногами всё ещё лежал песок. Левера опускала щуп перед каждым шагом. Пять саженей, семь, девять. Она ожидала встретить прибой, но слышала его всё дальше, словно берег рос, пока она шла.

На одиннадцатой сажени щуп стукнул о дерево.

Левера расчистила песок сапогом. Показался угол доски, почерневшей от долгого пребывания в море. Она опустилась на колени и стала работать руками. Доска была шириной в ладонь и уходила вдоль края, насколько хватало пальцев. На ней проступили резные знаки.

Сначала Левера решила, что это обломок лодочного борта. Рыбаки вырезали имена на носовых досках, чтобы туман знал, кого вернуть. Но буквы шли не по длине, а столбцами. Рядом с каждой стояла насечка прилива. Такой порядок использовали только на старых межевых рейках: имя того, кто отдал цену, потом знак полученного участка, потом срок.

Она протёрла дерево рукавом.

Верхнюю строку почти съела соль. Во второй сохранились три буквы: «...рай». Ниже шёл знак отмели — раскрытая ладонь с линией поперёк. После него было вырезано девять зарубок, но последняя перечёркнута.

Левера достала мел и бумагу, приложила лист к доске,

осторожно провела боком мелка. Рельеф отпечатался серыми тенями. Перед «рай» проявился узкий наклонный след, похожий на старую букву «Г».

Грай.

Имя показалось знакомым не слуху, а руке. Будто она уже выводила его много раз, но не могла вспомнить где. Левера повторила про себя: Грай. На миг перед глазами возникла мокрая спина лодки, чьи-то плечи под грубой парусиной и ладонь с двумя сросшимися пальцами. Образ рассыпался прежде, чем она поняла, был ли он воспоминанием.

Бечева дёрнулась дважды.

— Держу! — крикнула Левера.

Туман поглотил слово.

Она обнажила ещё часть рейки. Под первой записью шла вторая, свежее. Имя в ней было выскоблено целиком. Не стёрто водой: по древесине проходили короткие резкие царапины, оставленные ножом. Знак полученного участка совпадал с очертанием нынешней отмели. Девять приливов. Последняя зарубка снова перечёркнута.

Кто-то пользовался одним и тем же обещанием дважды.

Песок под коленом вздохнул.

Левера замерла. По трещине вокруг рейки выступила вода, чёрная в белом свете. Она дёрнула бечеву три раза. Ответное натяжение едва не свалило её. Левера успела вырвать бумажный оттиск и схватиться за верёвку обеими руками. Песок разошёлся под ногами. Рейка провалилась без плеска,

словно в распахнутый рот.

Мара тащила быстро. Левера скользила на боку, цепляясь сапогами за ещё твёрдые места. За ней с сухим шорохом раскрывалась длинная щель. Из неё поднимался холод. На пути ремень с инструментами зацепился за что-то под песком. Левера рванулась, пряжка не поддалась.

— Стой! — закричала она, забыв, что этого сигнала у них нет.

Бечева продолжала тянуть.

Левера нащупала нож. Пальцы скользили по мокрой рукояти. Щель расширилась, песок под животом пополз вниз. Она перерезала ремень, оставив в провале молоток и линейку. Освободившаяся верёвка бросила её вперёд. Через несколько ударов сердца белая стена выплюнула Леверу на серую отмель.

Мара и Вескар протащили её до первой вехи. Вокруг уже кричали люди. Дети исчезли с нижнего мостка, лодочники отступили на сваи. Трещина добежала до края тумана, остановилась и медленно сомкнулась. Отмель снова выглядела безупречной.

— Цела? — Мара опустилась рядом, грубо провела ладонями по плечам сестры, словно проверяла копчёную рыбу на повреждения.

— Ножны порвала.

— Значит, целая.

— Инструменты ушли.

— Я спрошу ещё раз, когда ты вспомнишь, что молоток не отвечает за тебя на семейном совете.

Левера села. Сердце билось высоко, под самым горлом. Она разжала кулак. Бумага уцелела, только угол размок от пота. На сером отпечатке отчётливо читалось имя.

— Ты знаешь Грая? — спросила она.

Мара перестала ощупывать её локоть.

— Кого?

— Грая. Рыбака или лодочника. Возможно, он жил у нижних свай.

— У нас нет такого имени.

— Было на межевой рейке.

— Значит, рейку принесло из другой слободы.

— Её не принесло. Она лежала под отмелью по направлению межи. И знак наш, старый цеховой.

Вескар наклонился, щурясь на бумагу. Он знал берег дольше любого действующего картографа, потому что пережил троих старших цеха и две слободы на одном месте.

— Дай-ка.

Левера протянула оттиск. Вескар повернул его к свету, провёл ногтем по буквам.

— Грай, — прочёл он медленно.

На последнем звуке старик вздрогнул. Его взгляд метнулся к туману.

— Помнишь? — спросила Левера.

— Я умею читать.

— Это не ответ.

— А ты не на цеховом допросе.

Вескар вернул лист слишком поспешно. На большом пальце у него осталась серая полоса мела. Он вытер её о штаны, но имя уже прозвучало, и несколько человек рядом повторили его вполголоса.

Грай.

Грай.

К третьему повтору слово стало чужим. Так бывает, если долго смотреть на знакомую букву: линии остаются прежними, а смысл куда-то уходит.

С верхнего мостка раздался звон медной трещотки. Люди расступились. Остром спускался не торопясь, придерживая полы тёмного плаща. Старшему цеха было пятьдесят два, но на лестницах он двигался легче многих молодых. Серебряная цепочка с печатью лежала у него на груди ровно, сапоги уже были в болотных накладках. Кто-то успел позвать его, пока Мару занимало спасение сестры.

— Почему берег не ограждён? — спросил он вместо приветствия.

— Потому что я его измеряла, — ответила Левера.

— Ты измеряешь, помощники ограждают.

— Помощники вчера грузили ваши карты в сухой склад.

— Мои карты не промокли. А твой берег едва тебя не съел.

Он протянул руку. Левера не сразу поняла, что Остром

просит оттиск. Отказывать старшему при людях значило устроить спор о подчинении, а ей нужен был спор о рейке. Она отдала бумагу.

Остром прочитал имя. Лицо его не изменилось. Только указательный палец лёг поперёк букв, закрывая их.

— Морской обломок, — сказал он.

— Межевой знак старого образца. Наша раскрытая ладонь. Срок — девять приливов, последний перечёркнут. Ниже было выскоблено второе имя и поставлен тот же знак нынешней отмели.

— Ты успела увидеть всё это, пока проваливалась?

— До того.

— Рейка у тебя?

— Ушла под песок.

— Инструменты?

— Там же.

Остром вернул бумагу. В его голосе не было насмешки, и от этого Левера разозлилась сильнее. Он говорил с ней как с человеком, которому позволено ошибиться после испуга.

— Без самой рейки это пятно мела. Отмель получена по вчерашнему сбору, договор записан у казначея, срок известен. Оснований останавливать приёмку нет.

— Основание под ней разошлось у меня под ногами.

— Потому что ты вошла дальше разрешённых семи саженей без второго картографа.

— Берег продолжался.

— Туман всегда продолжает то, что человек решил считать подарком.

Эта фраза заставила Леверу замолчать. Остром редко говорил загадками. Он считал загадку способом бедного мастера скрыть неточный ответ.

— Что это значит? — спросила она.

— Значит, ты промокла и потеряла казённый инструмент. Иди домой. Я закончу промер.

Он подозвал двух младших и велел поставить красные вехи до выяснения прочности. Люди зашумели: красная веха запрещала швартовку. Рыбаки начали спорить, что сбор уже взят и туман цену принял. Остром отвечал спокойно, называя время повторного промера и обещая открыть край к полудню.

Левера смотрела, как ловко он превращает найденное имя в её ошибку. Не отрицал знак. Не спрашивал, откуда рейка. Не удивлялся двойной записи. Он выбрал единственное, чего у неё не осталось, — саму доску.

— Кто такой Грай? — спросила она громче.

Разговоры вокруг стихли не сразу, а кругами. Сначала рядом, потом на мостке, затем у лестниц.

Остром повернулся.

— Ты уже спрашивала людей. Никто не знает.

— Я спрашиваю тебя.

— В списках Морянки такого имени нет.

— Я не спросила о списках.

— А я отвечаю как старший цеха. Для карты существует то, что можно проверить двумя следами: на берегу и в книге. У тебя нет ни того, ни другого.

— У меня есть отпечаток.

— Один след. И тот снят тобой одной.

Мара встала рядом с Леверой. Она не вмешивалась в цеховые споры, считая их разновидностью болезни, которой лучше не мешать пройти самой. Теперь её плечо коснулось плеча сестры.

— Я держала бечеву, — сказала она. — И видела, откуда Левера вернулась.

— Ты подтверждаешь её путь, Мара. Не надпись.

— Тогда я подтверждаю, что она не врёт.

— Здесь никто не говорит о лжи.

Остром снял перчатку и провёл пальцами по первому штырю, проверяя, крепко ли тот сидит. Потом взглянул на подскобленную табличку над коптильней.

— Вчерашнюю дань ваш дом внёс исправно. К полудню получите место для двух лодок, если основание выдержит. Не превращайте добрый обмен в ссору из-за случайного слова.

— Имени, — поправила Левера.

— Пока его никто не помнит, разница невелика.

Он ушёл к краю отмели. Младшие потянули за ним мерную цепь. Левера заметила, что Остром не шагнул по её линии. Он заложил новую, на три сажени восточнее того места,

где под песком скрылась рейка.

Мара тоже это увидела.

— Может, там твёрже, — сказала она.

— Может.

— Ты сейчас произнесла это так, будто хочешь поспорить со словом.

Левера сняла мокрые болотные накладки. На правой ивовой рамке что-то блеснуло. В плетение забились тонкая щепка, не длиннее мизинца. Она вытащила её ногтем. Дерево было чёрным от морской воды, а на одной стороне виднелась половина резной буквы — косая черта и глубокая закруглённая бороздка.

Не доказательство для цеха. Но уже не пятно мела.

Левера закрыла щепку в ладони, прежде чем Остром успел обернуться.

— Идём греться, — сказала Мара. — Потом будешь искать человека, которого нет.

— Откуда ты знаешь, что я буду искать?

— Потому что ты потеряла хороший молоток. Ты за меньшим ходила через весь нижний ряд.

Они поднялись на крыльцо. У двери Мара задержалась перед табличкой и коснулась светлого соскоба в своём имени.

— Скажи первую букву, — попросила она.

Левера сказала.

Мара повторила звук неуверенно, словно пробовала незнакомую приправу.

— Странно. Я знаю, что он мой. Но не узнаю его.

Из коптильни тянуло ольховым дымом и вчерашней камбалой. Всё внутри было своим: стол с прожжённым углом, тяжёлый нож, медный ковш, отцовская кружка без ручки. Левера посмотрела на эти вещи и впервые подумала не о том, сколько берег простоит до прилива.

Она подумала, что туман мог взять не букву с двери. Он взял у Мары маленькую способность позвать саму себя — и оставил взамен песок, на который пока нельзя было ступить.

На бумаге в её кармане серело имя человека, не сохранившегося ни в одном разговоре. В кулаке лежала щепка от межевой рейки. А снаружи Остром прокладывал новую линию так старательно, будто знал, какое место нельзя измерять.

Глава 2. Дань на дверной доске

К полудню Остром открыл новую отмель, но разрешил ставить у неё только пустые лодки. Людей велел высаживать на старом причале, груз переносить по мосткам, а на песок не сходить дальше синих вех. Рыбаки ругались, торговки считали лишние шаги, дети немедленно придумали игру, в которой проигрывал тот, кто коснётся красного колышка и будет съеден туманом.

Морянка приняла берег, как принимала всё полезное и подозрительное: сначала с жалобами, потом с верёвками и корзинами.

Левера сидела в верхней комнате коптильни и рассматривала щепку через круглое увеличительное стекло. С одной стороны дерево было почти чёрным, с другой сохранилась светлая сердцевина. Резная бороздка пересекала волокна под углом. Буква могла быть частью «Г», могла — частью старого цехового знака. Если отнести щепку Оstromу, он спросит, почему она скрыла находку утром. Если не отнести, она сама превратит доказательство в тайну.

На столе лежал меловой отпечаток. Имя «Грай» проступало нечётко, но читалось. Левера переписала его на отдельный лист семь раз, меняя нажим и форму букв. Рука всякий раз будто находила знакомый путь. На восьмой она остановилась.

Под последней записью невольно появилась маленькая лодка с высоким носом.

Левера не рисовала лодок ради красоты с тех пор, как была ученицей. На карте судно обозначали коротким овалом и чертой направления. Здесь же она вывела две поперечные доски, заплату на правом борту и петлю для фонаря. Такую подробность нельзя было придумать случайно — или можно было придумать именно потому, что хотелось узнать человека за именем.

Она перевернула лист.

Снизу хлопнула дверь. Голос Мары произнёс:

— Сапоги снимайте. У меня рыба коптится, а не грязь.

Мужчина ответил что-то негромко. Потом заскрипела лестница. Левера спрятала щепку в коробочку с циркульными иглами, оттиск оставила на столе.

В комнату вошли двое сборщиков дани. Первым — Лутар, сухой, аккуратно выбритый, с медной печатью совета на кожаном шнурке. За ним — парень лет двадцати, которого Левера видела в цеховой конторе. Он нёс узкий ящик с ножами, банками древесной пыли и свёрнутыми листами.

— Ваш дом уже внёс букву, — сказала Левера.

— Вчера был предварительный сбор, — ответил Лутар.

— Сегодня закрепление после приёмки берега. Нужно перенести отметку в домовую книгу и запечатать соскоб.

— Раньше вы делали это сразу.

— Раньше отмели принимали до сбора. Теперь туман даёт

берег вперёд.

— Щедрый стал.

Лутар не улыбнулся. Он положил на стол лист и разгладил ладонью. Вверху стояла печать совета, ниже — перечень домов нижнего ряда. Возле каждого имени чернел знак жильца. Некоторые ставили подпись, другие крест или рыбью кость. Напротив коптильни Мары была выведена раскрытая ладонь — знак полученной отмели — и срок: до девятого прилива.

— Кто составлял условие? — спросила Левера.

— Совет и цех.

— Покажи полный текст обмена.

— Он перед тобой.

На листе было написано: «Жители нижнего ряда отдают Белому Туману по первой букве одного домашнего имени с каждого двора. Морянка получает отмель от коптильни Коста до западной лестницы, пригодную для стоянки лодок до девятого прилива».

Левера перечитала дважды.

— Где сказано, что буква вернётся?

— Срок указан.

— Срок берега. Не дани.

— Одно заканчивается с другим.

— Это ты сейчас решил или туман согласился?

Парень с ящиком переступил с ноги на ногу. Лутар посмотрел на Леверу так, словно она нарочно задерживала оче-

редь.

— Я читаю утверждённую запись. Все дома согласились.

— Они согласились на букву с доски или на память о звуке?

— Какая разница?

— Мара видит соскоб. Но произнести отданную букву без подсказки не может. Значит, вы взяли не дерево.

— Все знают, что дань туману не состоит из стружки.

— Все — это кто?

Снизу загремела крышка бочки. Мара крикнула кому-то, чтобы не трогали рассол. Левера услышала в её голосе привычную уверенность и вдруг ясно представила, как из имени сестры вынимают по звуку каждый прилив, пока от уверенности остаётся только жест.

Лутар свернул край листа, потом расправил обратно.

— Ты картограф. Твоя печать стоит на общем порядке сборов.

— На порядке прошлого года. Там было сказано: добровольная домашняя память по выбору жильца. Люди отдавали прозвище козы, название любимой ложки, детское имя двора. Теперь вы берёте буквы из имён.

— Потому что прошлогодней дани не хватило. Западный фарватер держался четыре дня вместо девяти.

— Тогда нужно было предложить новую цену и объяснить её.

— Именно это сделали.

Он постучал пальцем по листу. Лёвера заметила на его ногте свежую древесную пыль.

— Кто идёт следующим домом?

— Селвовы.

— Я пойду с вами.

— Зачем?

— Я отвечаю за карту отмели. Хочу видеть, как платят за участок, который поставлю на лист.

Лутар явно хотел отказать, но для этого пришлось бы объяснять, почему картографу нельзя присутствовать при береговом обмене. Он протянул лист парню и кивнул на лестницу.

— Не вмешивайся в сбор.

— Если всё честно, мне не во что будет вмешиваться.

Мара стояла у коптильного шкафа и перевешивала рыбу. Увидев сборщиков, она вытерла руки о фартук.

— Запечатывать будете?

Парень открыл ящик. Внутри лежали девять ножей с разными лезвиями. Он выбрал плоский, поднялся на табурет и осторожно выровнял светлое место на дверной доске. Затем смешал древесную пыль с прозрачной смолой и втёр кашицу в соскоб. Свежая заплатка стала темнее, но буква не вернулась. На её месте осталось гладкое пятно.

— Назови себя, — сказала Лёвера сестре.

Мара бросила на неё быстрый взгляд.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Ты обещала им не мешать, — заметил Лутар.

— Я не мешаю. Проверяю результат.

Мара произнесла имя. На месте первого звука возникла короткая пауза, едва заметная для постороннего. Сестра обошла её, начав слово с мягкого неясного выдоха. Левера знала, чего там не было.

Парень с ножом посмотрел на Мару исподлобья. Значит, тоже слышал.

— Теперь ты, — сказала Левера ему. — Как тебя зовут?

— Терен.

— Терен, что именно она отдала?

Парень побледнел. Лутар забрал у него нож.

— Мы закончили. Пойдём.

Дом Селвовых стоял через два мостка от коптильни. На двери были вырезаны четыре имени: мать Дайна, отец Селв, старшая дочь Инара и сын Ней. Первую букву имени отца уже сняли. Светлое место зияло посреди тёмной доски.

Левера знала семью давно. Селв чинил паруса, Дайна плела сети, Инара водила малую сборную лодку. Ней вернулся весной после трёх лет на соляных судах и с тех пор жил то у родителей, то в караулке у дальнего причала. Ему было двадцать четыре; он смеялся громче, чем требовала любая шутка, и всегда носил красный шейный платок, даже в жару.

Дверь открыла Дайна.

— Мы вчера всё сделали, — сказала она.

— Нужно закрепить запись, — ответил Лутар. — Все жильцы дома?

— Инара на лодке. Селв наверху. Ней спит после караула.

— Позовите их.

— Спящего тоже?

— Имя домашнее. Присутствующие жильцы подтверждают, что знают отданную букву и согласны с записью.

Левера остановилась на пороге.

— Знают букву после отдачи?

— Знали при согласии, — сухо сказал Лутар.

— В листе написано «подтверждают», не «подтвердили».

Дайна переводила взгляд с одного на другую.

— Что-то не так с нашим берегом?

— С берегом пока всё так, — сказала Левера. — Я про-
веряю цену.

— Цена как у всех. Одну букву. Селв сам выбрал свою, чтобы детей не трогали.

Она сказала это с гордостью. Сверху спустился муж — широкий, сутулый, с иглой для парусины, воткнутой в шерстяной ворот. Увидев сборщиков, он провёл ладонью по борде.

— Ещё подпись?

— Подтверждение, — сказал Лутар. — Назовите себя.

Селв усмехнулся и произнёс имя. Оно прозвучало как «Элв». Мужчина нахмурился, попробовал ещё раз. Первый звук не появился.

Дайна засмеялась.

— Будто зуб потерял.

Селв не поддержал её.

— Смешно, — сказал он. — А теперь верните.

— До девятого прилива буква принадлежит обмену, — ответил Лутар.

— Я знаю. Просто хотел проверить.

Селв повернулся к лестнице.

— Ней! Вставай, гости пришли!

Наверху скрипнула кровать. Послышались шаги, затем на лестнице показался молодой мужчина в рубаше и красном платке. Волосы у него были примяты с одной стороны. Он посмотрел на сборщиков, на Леверу, улыбнулся.

— Если берег уже провалился, я не виноват. Я караулил честно.

Селв смотрел на него без улыбки.

— Ты кто?

Ней остановился на середине лестницы.

— Проснулся, насколько понимаю.

— Я спросил: ты кто такой?

Дайна толкнула мужа локтем.

— Не пугай мальчика.

— Какого мальчика?

Селв отступил к столу и нащупал рукоять ножа для пары-сины. Не вытащил, но сжал. Лицо его стало серым.

— Дайна, почему чужой спал наверху?

Мать засмеялась снова, теперь неуверенно.

— Это Ней.

— Какой Ней?

— Наш Ней.

— У нас одна дочь.

На лестнице молодой человек перестал улыбаться. Он медленно спустился, держа руки на виду.

— Отец, это я.

Селв дёрнулся от обращения.

— Не называй меня так.

Дайна встала между ними.

— Ты сам вчера выбрал своё имя. Сказал: лучше букву у взрослого, чем у детей. Вот Инара, вот Ней. Ты помнишь, как он весной вернулся? Привёз мне жёлтую соль, тебе — иглы с Гусинога берега.

Селв смотрел на красный платок, на босые ноги молодого человека, на спальное место наверху. В его глазах было не забытьё, а мучительная работа: он видел следы жизни и не находил в себе того движения, которое превращает следы в родство.

— В доме мог ночевать любой, — сказал он. — Подарки можно купить.

Ней подошёл к стене и снял маленькую деревянную чайку. На крыле был выжжен кривой круг.

— Ты сделал её, когда мне было семь. Я хотел живую птицу, а ты сказал, что живая гадит на снасти. Тогда я выжёт

солнце сам и прожѣг стол. Вон пятно.

Он показал на круглую отметину у края стола.

Селв посмотрел. Пальцы на рукояти ножа ослабли, но узнавания не появилось.

— Я помню, как делал птицу, — прошептал он. — Не помню кому.

Левера почувствовала, как холод от утренней отдели вернулся под рѣбра. У Мары пропал звук собственной буквы. У Селва вместе с первым звуком имени исчезла связь с сыном — не память о событиях, а право событиям принадлежать.

— Когда вы соскоблили букву? — спросила она.

— Вчера после заката, — ответила Дайна. — Ней ушёл в караулку, Селв лёг рано. Утром они не встречались.

— На листе было сказано, что может исчезнуть родство?

— Нет. При чём здесь родство? Мы отдали букву.

Левера повернулась к Лутару.

— Останавливай сбор.

— Обмен уже начал.

— Именно поэтому. Людям называли предметом одну букву. Туман понимает букву как начало обращения. Без обращения Селв не узнаёт сына.

— Это твоё толкование.

— Это стоит перед тобой в красном платке.

Терен закрыл ящик с ножами. Лутар удержал крышку ладонью и снова открыл.

— У нас ещё одиннадцать домов.

— Значит, у тебя одиннадцать возможностей не повторить это.

— А у слободы — одна возможность удержать отмель. Если нарушить сбор после принятия пользы, туман может забрать другое.

— Может. А может, это вы говорите вместо него.

Лутар побледнел, как Терен прежде.

— Осторожнее.

— Я осторожна. Поэтому не позволю тебе резать следующую дверь, пока старший цеха не объяснит цену при свидетелях.

— Ты не распоряжаешься сборщиками.

— Но распоряжаюсь береговой приёмкой. Я могу поставить на отмели чёрные вехи и записать, что дар получен при неясной цене. Тогда ни одна лодка не останется там к приливу.

С улицы донёсся детский крик. Все вздрогнули, но это была игра у красных колышков. Селв сел на лавку. Ней остался стоять с деревянной чайкой в руке. Дайна гладила мужа по плечу, а он терпел прикосновение, не сводя глаз с незнакомого молодого человека.

— До какого дня это? — спросил Ней.

Лутар ответил:

— До девятого прилива.

— А потом отец вспомнит меня?

— Дань закончится вместе с берегом.

— Ты уверен?

Лутар посмотрел на лист.

— Таков срок.

— На какой строке написано, что память вернётся? — спросила Левера.

Он не ответил.

Ней поставил чайку на стол перед отцом.

— Я останусь в караулке.

— Нет, — сказала Дайна.

— Он держится за нож, когда я говорю «отец». Не хочу каждый раз доказывать, зачем вошёл.

Селв отнял руку от рукояти, будто только сейчас заметил её.

— Я тебя не трону.

— Я знаю. Ты хороший человек.

— Откуда?

Ней зажмурился. Дайна отвернулась к окну.

Левера взяла сборный лист у Терена. Парень отпустил его без сопротивления. Она положила бумагу на стол и под строкой Селвовых написала: «После отдачи первой буквы жертвователь не признаёт сына Нейя, хотя помнит общие вещи и события. О таком последствии перед согласием не объявлено».

— Подпишись, — попросила она Дайну.

Та поставила знак сети.

— Ней.

Он вывел имя полностью. Рука дрогнула только на последней букве.

— Терен, ты видел?

Парень взглянул на Лутара. Потом поставил маленький крест.

— Я запрещаю вносить посторонние замечания в лист обмёна, — сказал Лутар.

— Поздно. Теперь либо носи его Острому целым, либо вырывай строку при четырёх свидетелях.

Лутар свернул лист так туго, что бумага хрустнула.

— Сбор продолжится после решения старшего.

Он вышел. Терен поспешил за ним с ящиком. На пороге обернулся к Нею, словно хотел что-то сказать, но только прикрыл дверь.

Левера осталась у Селвовых. Она попросила Дайну перечислить всё, что муж помнил о сыне. Первая люлька, сделанная из корзины для угрей. Ожог на столе. Сломанная рука в двенадцать лет. Ссора перед уходом на соляные суда. Жёлтая соль. Каждое событие Селв узнавал, но в его памяти участником был «мальчик», «кто-то молодой», «работник с пристани». Имя Ней не прикреплялось к этим образам, а без имени родство не складывалось.

— Назови его не именем, — предложила Левера. — Скажи: мой сын.

Селв открыл рот. Лицо напряглось.

— Сын Дайны, — выговорил он.

— Твой.

— Я понимаю слово. Не могу поставить его рядом с собой. Ней сидел на лестнице, упершись локтями в колени.

— Может, и не надо до прилива, — сказал он. — Буду заходить как сосед.

— Ты не сосед, — резко сказала Дайна.

— Для него — сосед. С соседом хотя бы чай пьют без ножа.

Селв вздрогнул и убрал нож в ящик для игл.

Левера записала каждую фразу на обратной стороне старого счёта. Потом попросила разрешения осмотреть дверную доску. Соскоб был обычным: первый знак имени снят чисто, нож шёл по направлению волокон. Никаких магических отметин, света или инея. Только отсутствие буквы.

На мостке уже собирались люди из непройденных домов. Новость об остановленном сборе обогнала Лутара. Одни требовали вернуть сборщиков, пока туман не разозлился. Другие хотели знать, кого забудут после их платы. Женщина с младенцем прижимала ладонь к своей табличке. Двое рыбаков спорили, можно ли отдать букву умершего. Кто-то предложил соскоблить знак из имени собаки.

Левера вышла к ним.

— Ничего не режьте сами, — сказала она. — И не обещайте туману замену вслух. До решения цеха сбор остановлен.

— А отмель? — крикнул Вескар.

— Пустые лодки можно оставить до вечернего промера. Людям на ней не ночевать.

— Ты утром чуть не утонула на сухом месте, а теперь говоришь, что лодкам можно?

— Лодка не забудет сына.

Смешка не последовало. Слова разошлись по мостку, и люди стали смотреть друг на друга внимательнее, словно проверяли, все ли ещё узнаваемы.

Мара пробралась через толпу с двумя кружками горячего отвара. Одну сунула Левере.

— Лутар побежал к Острому.

— Знаю.

— Остром побежит к совету.

— Он не бегают.

— Сегодня научится. Слышала про Селва.

Левера рассказала коротко. Мара выслушала, грея пальцы о кружку. Потом посмотрела на светлое пятно в собственной табличке через два дома.

— Я помню тебя, — сказала она.

— Хорошо.

— Помню, как ты в девять лет спрятала угря в постели отца. Помню, как он орал. Помню, что коптильню оставил мне, а комнату наверху — тебе. Помню, что ты не умеешь солить сельдь, хотя считаешь себя человеком точных мер.

— Я умею.

— Вот это точно ты. Но если исчезла первая буква моего

имени, почему я не забыла тебя?

— Может, потому что отдали твою букву, а не мою. Селв потерял начало собственного имени и вместе с ним способность узнавать того, кто называл его отцом. Связь идёт через обращение.

— Тогда кого потеряю я?

Левера не ответила. Мара редко называла сестру по имени. Обычно говорила «Лев», когда сердилась, или просто начинала фразу. Первую букву имени Мары чаще всех произносили покупатели, соседи, поставщики — люди, которые окликали хозяйку коптильни.

В толпе кто-то позвал Мару. Она повернулась не сразу. Мужчина позвал ещё раз, уже без имени: «Хозяйка!» Тогда Мара подняла руку.

— Кажется, началось, — сказала она.

На дальнем конце мостка появилась тёмная фигура Острома. Он шёл ровным шагом, но без плаща и цепи старшего, в одной рабочей куртке. За ним торопился Лутар. В руках Остром нёс толстую домовую книгу.

Левера допила отвар. Щепка от старой рейки лежала в коробочке наверху, оттиск — на столе. Теперь у неё был ещё один след, живой и говорящий: семья, в которой отец помнил всё, кроме того, что его сын — его.

Остром поднялся на мосток и остановился напротив неё.

— Ты остановила дань, — сказал он.

— Да.

— После того как слобода приняла берег.

— Слобода не знала цену.

— Знала каждое слово.

— Но не смысл.

Люди вокруг притихли. Белый Туман за новой отмелью казался далёким, однако Левера чувствовала его внимание так же отчётливо, как натяжение мерной бечевы.

Остром положил домовую книгу на перила.

— Тогда покажи, где заканчивается слово и начинается смысл, картограф.

Левера посмотрела на гладкое место в имени Мары, на красный платок Нея среди толпы, на лодки, уже покачивавшиеся у берега, которого вчера не было.

— На человеке, который платит, — сказала она. — Смысл начинается там.

Глава 3. Честная цена тумана

Остром не стал спорить на мостке.

Он раскрыл домовую книгу, прижал тяжёлую крышку локтем и велел Лутару читать вслух. Вокруг теснились жители непройденных домов. За их спинами пустые лодки лежали на новой отмели, будто море вынесло их на ладони и теперь ждало, чем люди расплатятся за эту милость.

Лутар прочитал запись о первом приливе от начала до конца. Двенадцать домов нижнего ряда отдавали по первой букве домашнего имени. Взамен Белый Туман удерживал песчаный язык от рассвета до девятого большого прилива. Лодкам обещался безопасный сход в воду при любом ветре, кроме северного. Людям запрещалось ночевать на песке. Последняя строка говорила, что отданная буква принадлежит туману на весь срок обмена.

— Где ложь? — спросил Остром.

— В книге её нет, — ответила Левера.

Люди заговорили разом. Вескар громче других потребовал немедленно закончить сбор. Мать с младенцем спросила, что тогда вообще остановила картограф. Ней стоял возле Дайны и держал деревянную чайку за одно крыло. Селв остался дома: встреча с человеком, которого разум признавал гостем, а вещи называли сыном, оказалась ему не по силам.

Остром дождался тишины.

— Ты обвиняешь цех в скрытой цене, а теперь признаёшь, что запись верна.

— Я признаю, что слова записаны верно. Селву сказали, что он отдаёт букву. Он не знал, что вместе с ней отдаёт способность признать сына. Если туман считает это одним и тем же, цена названа не полностью.

— Ты решила, что знаешь мысли тумана?

— Нет. Поэтому предлагаю спросить.

На мостке стало так тихо, что Левера услышала, как вода капает с днища крайней лодки.

Остром медленно закрыл книгу.

— Белому Туману не задают вопросов из любопытства.

— Это не любопытство.

— А что ты положишь на другую чашу? Он не отвечает бесплатно.

Левера посмотрела на кружку, которую принесла Мара. На дне осталось несколько крупинок серой соли. Соль в Морянке служила мерой мелких сделок: щепоть за место у огня, горсть за помощь с сетью, мешок за зимнюю комнату. Её ценили не за редкость, а за ясность. Соль можно было взвесить, увидеть и попробовать. Она не обещала больше, чем была.

— Горсть соли, — сказала Левера. — За безопасный путь от красной вехи до западного причала для одной пустой лодки. До полудня.

Вескар фыркнул.

— За это я сам лодку протащу.

— Тогда твой труд и будет ценой. Но я хочу проверить, что именно принимает туман.

— Он не станет говорить о большой дани за горсть соли, — сказал Остром.

— Я не прошу говорить о большой. Я предлагаю малый обмен, в котором все слова можно проверить. Если он не состоится, мы потеряем соль и час. Если состоится, узнаем, что делает сделку честной.

Лутар наклонился к старшему и что-то шепнул. Остром не повернул головы.

— Кто даст лодку? — спросил он.

Никто не ответил. Пустая лодка стоила меньше жизни, но больше горсти соли. При неверном фарватере её могло разбить о сваи или унести за туманную кромку.

— Мою, — сказала Мара.

Левера резко обернулась.

— У тебя нет лодки.

— Теперь есть. Я купила старую плоскодонку у Вескара прошлой зимой. Ты была на промере и не заметила.

— Она течёт, — предупредил Вескар.

— Поэтому и продал дёшево, бессовестный. Но до западного причала дойдёт.

— Если туман поймёт слово «безопасный» так же, как ты, — сказал Остром.

Левера кивнула.

— Именно это мы проверим.

Она велела людям разойтись с середины мостка, а Терену принести цеховые весы, чистую чашу и моток мерной бечевы. Парень посмотрел на Острома. Тот едва заметно кивнул.

Пока Терен бегал в цех, Левера выбрала красную вежу у края новой отмели. От неё до западного причала было сто восемьдесят семь саженей по старой карте, но новый песчаный язык выдвинулся в воду и изменил течение. Между двумя местами теперь лежала полоса молочно-белой дымки. Она стелилась низко, не выше человеческой груди, и медленно текла против ветра.

Мара привела плоскодонку. На борту проступало прежнее имя — «Ласка», хотя две буквы распухли и почти слились. В днище темнели свежие заплаты.

— Ты собиралась возить на ней уголь? — спросила Левера.

— Сельдь. Уголь не жалко утопить.

— А сельдь жалко?

— Её можно продать.

Мара говорила как обычно, но, когда Вескар позвал её по имени, не повернула головы. На «хозяйка» откликнулась сразу. Левера заметила это и ничего не сказала. Сестра тоже заметила.

Терен принёс весы. Левера поставила их на перевёрнутую корзину, проверила коромысло и попросила Мару принести соль не из общей бочки, а из личного запаса. Цена должна

принадлежать тому, кто её отдаёт. Мара вернулась с полотняным мешочком, отмерила полную горсть и высыпала на чашу.

— Сколько? — спросил Остром.

— Три унции и ещё четверть, — ответил Терен после взвешивания.

— Горсть, — поправила Мара. — Моя горсть. Если туман хочет число, пусть покупает у цеха.

Левера улыбнулась краем рта.

— Подходит. Теперь польза. Лодка «Ласка», без людей и груза, должна пройти по воде от красной вехи до западного причала. Не коснуться дном песка и камня, не удариться о сваи, не набрать воды выше нижней заплаты и остаться пригодной для плавания.

— Ты хочешь слишком много за щепоть, — сказал Лутар.

— Пусть туман откажется.

— Отказ тоже может иметь цену.

— Тогда это не отказ, а новая сделка. На неё я не соглашалась.

Остром внимательно посмотрел на неё. В этом взгляде не было удивления. Скорее досада учителя, услышавшего от бывшей ученицы правило, которое сам когда-то заставлял её повторять.

— Предел, — сказал он.

— До полуденного удара. Только путь туда. Только эта лодка. Соль не даёт права брать её имя, память Мары, мою

память или что-либо ещё. Если путь не открыт до удара, обмен не состоялся, и соль остаётся Мариной.

Мара подняла бровь.

— Вот теперь можно отдавать.

Левера взяла чашу обеими руками и подошла к красной вехе. Белая полоса дрогнула. Холод лёг на запястья, хотя солнце уже поднялось над крышами. Она почувствовала, как туман прислушивается не к голосу, а к разнице между сказанным и понятым.

— Я, Левера, береговой картограф Морянки, называю обмен, — произнесла она. — Мара, хозяйка коптильни нижнего ряда, добровольно отдаёт Белому Туману три унции и четверть серой соли из своего запаса. Мы называем это одной её горстью. Взамен туман открывает безопасный путь для пустой плоскодонки «Ласка» от красной вехи до западного причала, без касания дном, удара и опасной течи. Путь действует до полуденного удара, один раз и только в западную сторону. Ничего сверх названной соли не отдано.

Туман не ответил.

Вескар кашлянул. Кто-то в толпе шепнул, что горсть слишком мала. Левера ждала. Холод поднялся до локтей. Крупинки соли в чаше потемнели, словно намокли, хотя воздух над ними оставался сухим.

Потом белая полоса между вехой и причалом разошлась на ширину лодки.

Под ней показалась вода — тёмная, гладкая, с медленным

течением на запад. По обе стороны туман стоял ровными стенками. Люди попятились. Мара, напротив, шагнула ближе.

— Красиво, — сказала она. — Значит, всё-таки дорого.

Соль исчезла не сразу. Каждая крупинка стала прозрачной и растаяла на железной чаше, не оставив влаги. Когда пропала последняя, «Ласка» качнулась у края песка. Бечева, привязанная к носу, натянулась.

— Кто её поведёт? — спросил Вескар.

— Никто, — ответила Левера. — Мы обещали пустую лодку.

Она отвязала кормовой конец и вместе с Марой столкнула плоскодонку в открытую воду. Течение подхватило лодку. «Ласка» пошла носом вперёд, чуть виляя из-за кривого борта. Мерная бечева разматывалась с колышка. На середине пути лодка накренилась. Толпа дружно ахнула, но борт выправился. Ни скрежета, ни удара не было. Через несколько минут плоскодонка мягко ткнулась носом в верёвочную петлю западного причала.

Терен первым побежал туда по мосткам. Он наклонился, потрогал днище багром и крикнул:

— Воды до заплат нет! Дно целое!

Люди заговорили. Одни смеялись, другие смотрели на туман с новым страхом. Вескар требовал повторить опыт с его грузовой лодкой и половиной мешка. Мать с младенцем спросила, можно ли купить проход без имени. Лутар велел

всем молчать, но его уже не слушали.

Остром оставался возле весов.

— Ты доказала, что туман берёт соль, — сказал он.

— Я доказала, что он принял ограничение.

— Для малой услуги.

— Правило либо действует, либо нет.

— Море принимает чашку воды, когда ты выливаешь её с причала. Это не значит, что чашкой можно оплатить гавань.

— Я не сравниваю цену. Я сравниваю ясность. Мара знала, что потеряет. Мы увидели, что получили. Назвали срок и запретили брать лишнее. Туман согласился.

— Ты приписываешь ему согласие.

— Проход открылся только после того, как мы назвали все четыре границы.

Левера подняла пустую чашу. На железе проступили тонкие белые линии. Они складывались в четыре знака: ладонь, лодка, полуденный круг и перечёркнутый крюк. Даже человек без цехового обучения понял бы их смысл: отданное, полученное, срок и запрет тянуть больше.

Остром увидел знаки и на мгновение сжал губы.

— Такие отметины бывают на мелких сделках, — сказал он.

— Я никогда их не видела.

— Потому что не торговала с туманом солью.

— Ты видел.

Это не было вопросом. Остром взял чашу, провёл боль-

шим пальцем по перечёркнутому крюку и вернул её Терену.

— Видел.

— Почему этих четырёх знаков нет на сборном листе?

Лутар шагнул между ними.

— Домовые сборы подтверждаются печатью цеха.

— Я спрашиваю не тебя.

— А отвечает сборщик. Таков порядок.

— Порядок не был назван стороной обмена, — сказала Мара. — Значит, можешь отойти.

Кто-то засмеялся. Лутар покраснел, но остался на месте.

Остром положил ладонь ему на плечо и без усилия отвёл в сторону.

— Большой обмен нельзя записать четырьмя картинками, — сказал старший. — Отмель служит всей слободе. У неё сотни пользователей, десятки рисков, переменная вода. Если каждому перечислять все возможные последствия, море заберёт дома раньше, чем мы закончим чтение.

— Тогда нельзя брать цену с каждого дома так, будто она одинакова.

— Ты предлагаешь отказаться от берега?

— Я предлагаю сначала узнать, на что согласились люди.

— Они согласились пережить осень.

— Ней согласился, чтобы отец перестал быть ему отцом?

— Ней ничего не отдавал.

Эти слова ударили сильнее крика. Ней поднял голову. Дайна сжала его локоть.

Левера подошла к Острому почти вплотную.

— Вот она, скрытая цена. Платит один, а потеря случается у другого. Селв отдал начало своего имени, и Ней лишился отца. Кто из них должен был согласиться?

Остром посмотрел на молодого человека с чайкой. На лице старшего промелькнуло такое выражение, будто он увидел не Нея, а кого-то другого, стоящего далеко за ним. Потом взгляд снова стал неподвижным.

— Родство не исчезло, — сказал он. — Оно временно не узнаётся.

— Для человека, которого выгоняют из дома, разница невелика.

— До девятого прилива.

— А потом?

Остром молчал на один вдох дольше, чем следовало.

Левера услышала этот вдох. Услышал и Ней.

— Потом дань заканчивается, — сказал старший.

— Это мы уже читали. Память вернётся?

— Всё, что взято на срок, освобождается со сроком.

— Возвращается владельцу или просто перестаёт принадлежать туману?

Ветер шевельнул страницы домовой книги. Одна перевернулась, потом другая. Лутар прижал их ладонью.

— Ты играешь словами, — сказал он.

— Нет. Я наконец измеряю их.

Левера взяла мел и на сухой доске мостка начертила че-

тыре знака с чаши. Под ладонью написала: «первая буква домашнего имени». Под лодкой: «отмель до девятого прилива». Под кругом: «срок». Под крюком оставила пустое место.

— Каков предел? — спросила она.

— Одна буква, — ответил Лутар.

— Это предмет. Предел говорит, чего нельзя брать вместе с ним.

— Ничего сверх буквы.

— Тогда Селв должен узнавать сына.

— Не должен, если узнавание заключено в букве.

— Значит, это тоже цена. Назови её.

Лутар обернулся к Острому. Старший смотрел на белый проход, который уже начал медленно сужаться. До полудня оставалось меньше часа, и туман точно соблюдал срок, хотя лодка давно достигла причала.

— Сбор сегодня не продолжится, — сказал Остром.

Толпа снова загудела. На этот раз возмущались те, кто утром требовал остановки: неизвестность оказалась страшнее ножа на двери.

— А берег? — спросил Вескар.

— Останется до вечернего промера. Лодки убрать до прилива. Цех пересчитает недостающую цену.

— Чем платить будете? — крикнула женщина из нижнего ряда.

— Ничем без вашего согласия.

Остром произнёс это ровно, но Левера заметила, как Лу-

тар повернул к нему голову. Сборщик не ожидал этих слов.

— И прежние согласия пересчитать, — потребовала Левера.

— Прежний обмен уже принят.

— Значит, проверить его важнее.

— Важнее не сорвать.

— Для кого?

— Для всех, кто живёт над водой.

Остром взял домовую книгу у Лутара. Люди расступились. Старший прошёл несколько шагов, затем остановился рядом с Неем.

— Твой отец помнит сделанную для тебя чайку? — спросил он.

— Помнит чайку. Не меня.

— Оставь её ему.

— Я оставил.

— Приходи каждый день в один час. Не называй его отцом, пока он сам не сможет это сделать. Говори, какое дело вы делали вместе. Память иногда держится за повторённый поступок.

— Откуда вы знаете?

Остром отвёл взгляд.

— Я старший цеха.

Он ушёл к цеховому дому. Лутар последовал за ним. Терен задержался у весов, словно не понимал, кому теперь их нести.

Левера смотрела вслед Остроуму. Совет Нею был слишком точным. Так не говорил человек, знакомый с потерей только по книгам.

Мара толкнула сестру плечом.

— Ты добилаcь остановки.

— На один день.

— За утро это больше, чем обычно удаётся совету.

— Он знал о знаках на чаше. И знает, как разговаривать с тем, кто перестал узнавать близкого.

— Остром многое знает. За это ему носят цепь.

— Цепь носят, чтобы другие видели, кто отвечает. Знание можно спрятать и без неё.

Мара хотела ответить, но с западного причала позвали хозяйку. Она повернулась сразу. Потом кто-то назвал её по имени — громко, дважды. Мара не шелохнулась.

Левера коснулась её руки.

— Тебя зовут.

— Кто?

— Сушильщик с верхнего ряда. По имени.

Мара посмотрела на мужчину, подняла руку и крикнула:

— Говори «хозяйка», пока не научишься звать громче!

Она произнесла это весело. Сушильщик засмеялся. Но пальцы Мары, лежавшие на руке Леверы, стали холодными.

К полудню белый проход сомкнулся. В тот же миг на западном причале «Ласка» осела на воду глубже: обычное течение вернулось и прижало корму к свае. Терен успел под-

тянуть лодку. На пустой чаше четыре знака побледнели, но не исчезли.

Левера попросила у парня кусок бумаги и сняла с них оттиск. Терен подал ей лист без разрешения Острома.

— Ты видел такие раньше? — спросила она.

Он помедлил.

— На малых чашах в кладовой. На старых.

— Сколько их?

— Не знаю. Лутар велит не трогать. Говорит, прежние картографы торговали с туманом по одному ведру и одной верёвке, потому что не умели собирать большой берег.

— Где кладовая?

— Под чертёжной.

— Ключ у Лутара?

— У старшего.

Терен забрал весы и поспешил прочь. У поворота он обернулся.

— На чашах всегда четыре знака, — сказал он. — Даже если обмен на один вдох.

Левера сложила оттиск и спрятала за пазуху рядом с записью о Селве. У неё появились два измерения одной вещи. Честный обмен оставлял четыре ясные границы. Домовая дань называла только цену, пользу и срок, а вместо предела ставила печать цеха. Печать не запрещала туману тянуть за буквой всё, что люди связывали с именем.

Она подняла меловую доску с мостка. В пустом месте под

перечёркнутым крюком написала: «не брать узнавание, родство и память других людей».

— Этого хватит? — спросил Ней.

Он подошёл неслышно. Дайна ждала у дома, не торопила его.

— Не знаю, — честно ответила Левера. — Для нового об-
мена, возможно. Для уже начатого придётся говорить с ту-
маном иначе.

— Чем платить за разговор?

Левера посмотрела на его деревянную чайку.

— Только тем, что принадлежит тому, кто спрашивает.

— Моя память об отце принадлежит мне?

— Да.

— Тогда я могу отдать её, чтобы он вспомнил меня?

— Нет.

— Почему? Это честно. Я знаю цену.

— Ты знаешь, что хочешь отдать. Но не знаешь, что по-
лучишь. Если твоя память исчезнет, кто подтвердит, что он
твой отец? Вы станете двумя людьми возле одной деревян-
ной птицы.

Ней стиснул чайку так, что побелели костяшки.

— А что делать?

— Приходить каждый день в один час. Напоминать дела,
не требуя, чтобы он почувствовал то, чего сейчас не может.
И ничего не обещать туману без свидетелей.

— Ты повторяешь совет Острома.

— Потому что совет хороший. От этого мне ещё меньше нравится, что он знает.

Ней кивнул и пошёл к дому. У двери он остановился, спрятал чайку за пазуху и постучал, как гость.

Мара уже тащила «Ласку» вдоль мостка, ругаясь на Вескара за каждую течь по отдельности. Левера помогла привязать лодку под коптильней. Потом поднялась в свою комнату.

На столе лежал меловой оттиск старой рейки с именем Грая. Рядом — щепка с частью выскобленной буквы. Левера положила между ними новый оттиск четырёх знаков.

На старой рейке тоже была раскрытая ладонь. Девять приливов обозначали срок. Знак отмени — полученное. Ниже, там, где дерево выскоблили особенно глубоко, мог находиться четвёртый знак, предел обмена.

Кто-то удалил не только имя рядом с Граем. Кто-то выскоблил запрет брать лишнее.

Левера взяла увеличительное стекло и поднесла щепку к окну. На тёмном краю проступала половина резной линии. Она изгибалась, как крюк.

Снизу Мара позвала её обедать. Не по имени — свистом, которым в детстве созывала сестру с берега. Левера ответила тем же.

За окном Белый Туман лежал на воде тихо и ровно. Теперь она знала: он не обманывал словами. Ему и не требовалось. Достаточно было, чтобы люди сами не договорили друг

другу цену.

А Остром много лет ставил печать именно на этом недосказанном месте.

Глава 4. Старший цеха знает больше

К вечеру на двери цеха висели три замка.

Обычно запирали один — медный, с плоским ключом, который носил дежурный чертёжник. Второй Левера помнила со времени ученичества: железный, тяжёлый, для зимнего архива. Третий был новым. Чёрная дужка проходила через скобу кладовой лестницы и не оставляла сомнений, какое именно место Остром решил защитить после разговора на мостке.

Левера обошла дом кругом. Окна чертёжной были открыты, внутри горели лампы. Кто-то перекладывал листы, двигал ящики и негромко ругался. Под восточным окном лежала свежая стружка: замочную скобу поставили наспех.

— Если собираешься лезть, выбери западную стену, — сказал Вескар из сумерек. — Здесь доски скрипят.

Левера не вздрогнула только потому, что заранее услышала запах его трубки.

— Я рассматриваю цеховой дом.

— Очень преступно рассматриваешь.

— А ты зачем пришёл?

— Узнать, куда завтра ставить лодки. Люди спрашивают меня, я спрашиваю цех, цех вешает замки. Такой у нас нынче

обмен.

Он вышел из-за штабеля вёдер. В руке держал свёрнутую сеть, хотя чинить её в темноте не собирался.

— Утром ты прочитал имя Грая на рейке, — сказала Левера.

Вескар перестал улыбаться.

— Прочитал буквы.

— Ты его знаешь.

— Если бы знал, помнил бы человека.

— Селв помнит чайку, но не сына. Можно помнить буквы и не признавать того, кому они принадлежат.

Вескар затянул ремень на сети.

— Не ходи под дальние сваи.

— Я не спрашивала, куда ходить.

— А я не отвечал, знаю ли Грая.

Он ушёл так быстро, что разговор оборвался раньше, чем Левера успела ухватить его за следующее слово. Предупреждение осталось. Под дальними сваями во время отлива обнажились старые опоры Морянки, брошенные сараи и узкие водные проходы, которых не было на цеховых картах.

В чертёжной хлопнула дверь. Терен вынес ящик со старыми чашами. Увидев Леверу, прижал его к груди.

— Куда несёшь?

— В верхний архив.

— Кладовая под чертёжной недостаточно надёжна?

— Там сырость.

— Она появилась после полудня?

Терен покраснел.

— Старший велел.

— Покажи одну чашу.

— Не могу.

— Утром мог рассказать о знаках, а вечером не можешь показать?

— Утром я говорил не подумав.

— А сейчас думаешь чужой головой.

Он опустил ящик на землю. Крышка была прибита двумя гвоздями, тоже свежими.

— Я видел, что случилось с Селвом, — тихо сказал Терен.

— Но если сорвать дань, дома нижнего ряда уйдут первыми. Моя мать живёт там. Остром сказал, что ты хочешь доказать свою правоту раньше, чем спасти берег.

— Я хочу, чтобы спасение не забрало твою мать так, что ты перестанешь звать её матерью.

— Она готова отдать букву.

— А ты готов?

Терен посмотрел на неё с непониманием.

— Я ничего не отдаю.

— Ней тоже так думал.

Парень отступил от ящика. Из чертёжной позвал Лутар, и Терен вздрогнул.

— Иди, — сказала Левера. — Но запомни: если в записи нет запрета брать твоё родство, цена касается и тебя.

Он поднял ящик и понёс к верхней лестнице. Левера не остановила. Взломать архив она могла бы ночью, но тогда Остром получил бы удобный ответ на неудобные вопросы: объявил бы находки украденными, а её — нарушительницей, которой нельзя доверять берег.

— Ты решила стать терпеливой? — спросил старший у неё за спиной.

Остром стоял в дверях без цепи, но в чистом плаще. Он выглядел так, словно весь день не таскал книги и не приказывал забивать ящики.

— Решила дать тебе возможность открыть дверь самому.

— Тогда входи.

В чертёжной стало непривычно пусто. Со стен сняли старые карты; светлые прямоугольники на досках показывали, где они висели. На длинном столе лежал только сегодняшний лист новой отмели. Все пометки Леверы Остром обвёл красным, а рядом поставил знак сомнения.

— Где карты? — спросила она.

— Сушатся.

— В верхнем архиве?

— В безопасном месте.

Он закрыл дверь и положил ключ на стол. Не от кладовой — обычный плоский ключ дежурного.

— Завтра до рассвета сбор продолжится, — сказал Остром.

— Ты обещал пересчитать цену.

— Пересчитал. Каждый дом получит устное предупреждение, что утрата буквы может ослабить узнавание людей, связанных с именем жертвователя.

— Может ослабить?

— Последствия различаются.

— Что произошло в прошлые годы?

— Люди забывали долги, родство, дорогу к дому. Иногда на день, иногда до конца срока.

— И ты продолжал называть ценой букву.

— Потому что туман берёт связь, заключённую в букве. Мы не можем перечислить каждую.

— Можем запретить брать неназванное.

— Для одной лодки. Не для гавани.

Левера подошла к столу. На листе Остром отметил глублины, полученные повторным промером. Он действительно сместил линию на три сажени и обошёл место, где утонула рейка Грая.

— Покажи большой обмен с четырьмя знаками, — сказала она.

— Нет.

— Значит, он существует.

— Значит, я запрещаю тебе рыться в архиве.

— Почему?

— Потому что ты ищешь отдельную правду, а отвечаешь за целый берег.

— Правда не становится отдельной оттого, что мешает

старшему.

Остром снял с полки две деревянные фигурки и поставил на карту. Одну — у нижнего ряда, другую — возле цехового причала.

— Первый большой прилив придёт через четыре дня. Если отмель не закрепить, волна ударит сюда. Три дома потеряют нижние опоры. Через две недели северный ветер погонит воду под коптильни. К девятому приливу без нового берега у нас останется один глубокий причал на всю слободу.

— Я умею читать карту.

— Тогда читай, а не суди.

— Карта не говорит, чьих детей можно забыть ради трёх опор.

— Карта говорит, сколько детей окажется в воде.

Он двигал фигурки спокойно. В этом и заключалась его сила: Остром никогда не притворялся, что опасности нет. Он знал её точнее других и предлагал решение, от которого становилось стыдно отказываться.

— Есть другой обмен, — сказала Левера. — Сезонная память, названная добровольно и возвращаемая после срока.

Рука Острома замерла над картой.

— Откуда ты это взяла?

— Значит, есть.

— Я спросил источник.

— А я увидела ответ.

Старший отвернулся к окну. За стеклом Терен поднимал

ящик по наружной лестнице. Лутар шёл следом.

— Сезонные обмены ненадёжны, — сказал Остром. — Человек обещает память, а потом цепляется за неё. Туман проверяет согласие в самый худший час. Один испуганный отказ ломает пользу для всех.

— Поэтому вы заменили добровольную память обязательной буквой?

— Поэтому цех создал порядок, который пережил сорок семь осеней.

— Сколько людей он не пережил?

Остром взял со стола ключ и сжал в кулаке.

— Ты нашла имя на рейке и решила, что открыла кладбище. В море полно имён, которые больше некому произнести.

— Грай жив.

Старший резко посмотрел на неё.

Левера сказала это наугад, но ответ получила настоящий. Остром не спросил, почему она так думает. Не усмехнулся. Он только оглянулся на закрытую дверь.

— Где ты его видела?

— Нигде. Пока.

— Не ищи.

— Вескар сказал то же самое. Под дальними сваями.

— Вескар не умеет держать язык.

— Зато ещё помнит, чего боится.

Остром подошёл ближе.

— Послушай меня не как старшего. Грай не даст тебе чи-

стого ответа. Люди, которых не узнают, держатся за любую версию прошлого, где у них что-то отняли. Иногда справедливо. Иногда потому, что иначе пришлось бы признать собственный выбор.

— Ты признаёшь, что его не узнают.

— Я признаю, что имя на рейке могло принадлежать живому человеку.

— Которого ты знаешь.

— Знал.

Первое честное слово за весь разговор прозвучало почти неслышно.

Левера ждала продолжения. Остром не дал его. Он убрал фигурки с карты, свернул лист и перевязал шнуром.

— Завтра сбор продолжится с полным предупреждением,
— сказал он. — Ты проведёшь приёмку.

— Нет.

— Это приказ.

— Я не поставлю знак качества на обмене без предела.

— Тогда отстраняю тебя от новой отмели.

— И кто примет?

— Я.

— Старший не может один объявить цену, подтвердить согласие и принять пользу.

— При чрезвычайной воде может.

— Чрезвычайную воду должен объявить совет.

— Объявит утром.

Вот зачем он позвал её вечером: не договориться, а предупредить, что к рассвету все двери будут закрыты законным решением.

Левера взяла свой мел со стола.

— Ты всё подготовил.

— Я готовился дольше тебя.

— К чему?

— К берегу, который не исчезнет после девятого прилива.

Она остановилась у двери.

— Постоянной гавани не бывает. Даже каменный берег меняется.

— Бывает, если туман получит цену, равную всем будущим отмелям.

Левера медленно повернулась.

Остром стоял у пустой стены. Свет от лампы падал снизу и делал его лицо старше.

— Какую цену? — спросила она.

— Одно сильное имя.

— Нет имени, равного целой гавани.

— Есть. Имя картографа, по чьим листам слобода ходила двадцать лет. Оно связано с каждым промером, каждой принятой отмелью, каждым фарватером. Туман понимает вес связей.

Левера почувствовала холод раньше, чем поняла.

— Твоё?

— Моё связано с печатью и должностью. Оно удержит по-

рядок, но не берег. Твоё связано с местом.

Снаружи кто-то уронил ящик. Грохот прокатился по лестнице. Ни Левера, ни Остром не двинулись.

— Ты предлагаешь отдать моё имя.

— Предлагаю тебе отдать его самой. С полным знанием цены.

— Какой именно?

— Люди перестанут узнавать тебя по голосу и лицу. Записи сохранятся, пока в них есть твой знак. Твои карты останутся действительными. Гавань станет постоянной.

— Мара?

— Не будет помнить сестру.

— Дом над коптильней?

— Перейдёт ей как ближайшей признанной наследнице.

— Моё право свидетельствовать?

— Исчезнет.

— Право называться картографом?

Остром помедлил.

— Цех сохранит твои работы без имени автора.

— А что получу я?

— Морянка останется.

— Это получит Морянка. Я спрашиваю, что получу я.

Он нахмурился, будто вопрос был неправильным.

— Возможность спасти её.

— Возможность — до обмена. После него меня не будет среди тех, кто пользуется спасением. Ты опять называешь

выгоду одной стороны платой другой.

— Ты останешься жива.

— Грай тоже жив?

Остром не ответил.

Левера открыла дверь. На пороге стоял Терен. Он, должно быть, вернулся за лампой и услышал последние слова. Лицо у него было белее тумана.

— Никому, — сказал Остром.

Парень кивнул слишком быстро.

Левера вышла, но старший догнал её на площадке.

— Я не принуждаю тебя, — сказал он.

— Пока.

— Совет не примет чужое имя без согласия владельца.

— Совет завтра примет чрезвычайную воду по твоей карте.

— Потому что вода настоящая.

— И страх настоящий. Им удобно подписывать всё остальное.

Остром понизил голос.

— Подумай до первого прилива. С каждым домом, который отдаст букву, твоё имя будет стоить меньше: туман уже получит часть связей, нужных берегу. Сейчас одной жертвы достаточно, чтобы прекратить сбор.

— Ты называешь это прекращением сбора, будто даришь мне выход.

— Я называю выбор, который есть.

— Нет. Ты называешь два приготовленных тобой пути: много людей платят, не понимая последствий, или один человек добровольно исчезает. А третий путь прячешь под замками.

Она спустилась на мосток. Остром не пошёл следом.

Вечерний прилив уже подбирался к новой отмели. Пустые лодки убрали, но на песке остались красные вехи. Вода огибала их, стирая человеческие следы. Возле дома Селвовых сидел Ней. Он рассказывал через открытую дверь, как они с отцом чинили парус после весеннего шквала. Изнутри время от времени отвечал Селв — вежливо, осторожно, как соседу.

Мара ждала Леверу под навесом коптильни.

— Совет собирают на рассвете, — сказала она. — Остром требует чрезвычайную воду.

— Знаю.

— Что он предложил?

Левера хотела сказать «ничего». Тогда Мара сохранила бы спокойную ночь. Но это было бы тем же приёмом: назвать человеку не всю цену, потому что правда мешает полезному решению.

— Моё имя за постоянную гавань.

Мара поставила корзину на мосток.

— Я его убью.

— Тогда гавань точно не появится.

— Не шути.

— Я стараюсь не бояться.

Мара взяла её за подбородок, повернула лицом к свету.

— Смотри на меня. Ты не согласишься.

— Нет.

— Скажи полностью.

— Я не отдам своё имя за его гавань.

Сестра отпустила её.

— Хорошо. Теперь можно думать.

Они поднялись в комнату. Левера показала Маре оттиски, щепку и половину выскобленного крюка. Рассказала о чашах в верхнем архиве и о том, что Остром знал Грая. Мара слушала, не перебивая.

— Вескар сказал про дальние сваи? — спросила она.

— Да.

— Во время ночного отлива туда можно пройти на лодке.

Пешком нельзя: ил засасывает.

— У нас есть «Ласка».

— У нас есть решето с веслом.

— У решета осталось имя.

Мара усмехнулась, но тут же стала серьёзной.

— До отлива три часа. Пойдём вдвоём.

— Нет. Твоё имя уже взято данью. Если туман потянет ещё одну связь, нам нельзя оказаться обеим под сваями.

— Поэтому ты пойдёшь одна?

— Я найду лодочника.

— Которого вся слобода не помнит.

— Которого Остром боится достаточно, чтобы поставить

третий замок.

Снизу донёлся стук. Не в дверь коптильни — три удара по свае со стороны воды. Потом пауза и ещё один удар.

Мара погасила лампу. Левера выглянула в щель ставни.

Под мостком стояла узкая чёрная лодка без огня. Человека в ней почти не было видно. Только рука лежала на борту, раскрытая ладонью вверх.

Тот же знак был вырезан на рейке и проступил на чаше честного обмена.

— Левера, — негромко позвал человек снизу.

Он произнёс её имя так уверенно, словно имел право хранить его, когда остальные забудут.

— Если хочешь узнать цену своего берега, — сказал он, — садись до отлива.

Глава 5. Лодочник без обращения

Мара первой спустила лестницу.

Не к воде — поперёк люка, положив верхний конец на поручень, нижний на край настила. Получилась преграда, смешная для взрослого человека и вполне серьёзная для сестры, которая привыкла считать такие жесты решениями.

— Назови себя, — сказала она в темноту.

Лодочник поднял лицо. Света из щели ставни хватило только на резкую линию скулы и седую прядь у виска. На нём была куртка из промасленного полотна, потемневшая до цвета мокрой сваи. Ни знака лодочной артели, ни цеховой бляхи, ни домашней ленты на рукаве.

— Она уже знает, как меня звали.

— Я спросила не её.

— Грай.

Он произнёс имя без запинки, однако туман под мостком не дрогнул. Обычно собственное имя оставляло на белой воде короткую вмятину, точно упавшая капля. Сейчас поверхность была гладкой.

Мара заметила это тоже.

— Туман тебе не верит.

— Верит. Просто больше не считает имя моим.

Левера перелезла через лестницу. Мара схватила её за рукав.

— Ты не знаешь, куда он тебя повезёт.

— Под дальние сваи.

— От этого легче?

— Нет. Зато он не врёт о дороге.

Грай чуть качнул головой, принимая не похвалу, а точность. Его лодка стояла против течения, хотя он не держал весло в воде. Левера пригляделась и увидела тонкую верёвку, перекинутую вокруг свай. Узел был завязан так низко, что с мостка его не разглядеть.

Мара убрала руку с рукава.

— До рассвета вернёшься.

— Если путь позволит, — сказал Грай.

— Не с тобой говорю.

— До рассвета, — ответила Левера.

Она сунула под плащ свёрток с оттисками, меловую досочку, шнур и щепку от старой рейки. Из инструментов взяла только складную меру и грузило. Медный компас оставила на столе: под сваями железо и медь чаще показывали не стороны света, а ближайший предмет, которому человек задал обещание.

Мара сняла с гвоздя коптильный крюк.

— Это тебе.

— Зачем?

— Если лодочник окажется плохим, ткнёшь в него. Если хорошим — зацепишься за сваю.

Грай оттолкнул лодку от мостка, едва Левера села на сред-

нюю банку.

— А если свая окажется плохой? — спросил он.

— Тогда возвращай сестру вплавь, — сказала Мара.

Лодка скользнула под коптильню. Запах дыма и рыбы смешался холодной сыростью. Над головой поплыли брёвна настила, между ними просачивались жёлтые полосы света. Грай работал коротким веслом без плеска. Его ладонь всякий раз ложилась на рукоять раскрыто, тем же знаком, который Левера видела на рейке и чаше.

— Это знак предела? — спросила она.

— Это пустая рука. Показываешь, что больше ничего не прячешь.

— На чаше он стоял рядом с ценой.

— На старых чашах стоял рядом с тем, кто цену отдаёт. Потом цех решил, что печать надёжнее ладони.

— Печать не может согласиться.

— Зато не передумывает и не задаёт вопросов.

Они миновали нижний ряд. В окне Селвовых горела лампа. За занавеской двигались две тени: одна сидела, другая то приближалась, то отступала. Ней продолжал доказывать отцу своё родство вещами и рассказами. Левера увидела, как сидящий человек протянул руку, а потом убрал её, не решившись коснуться гостя.

— Ты знаешь Селва? — спросила она.

— Он покупал у меня угрей.

— Он помнит тебя?

— Никто не помнит меня дольше, чем держит взгляд.

Левера отвернулась от окна. Через несколько взмахов весла они вошли в белую полосу, лежавшую между домами. Звуки слободы стали глухими. Впереди остался только стук уключины.

— Я тебя помню, — сказала она.

— Ты помнишь рейку и имя на ней.

— И человека, который позвал меня под коптильней.

— Обернись.

Левера посмотрела назад. Дом Мары скрыла белая вода. Когда она снова повернулась, на корме сидел незнакомец.

Это длилось одно дыхание. Она видела его одежду, руки, седую прядь, но не могла соединить их со словом. Человек мог быть рыбаком, вором, перевозчиком, кем угодно. В памяти оставалась цель поездки, однако тот, кто вёз её к цели, выпал из неё, как вымытая отметка из карты.

Он раскрыл ладонь.

На среднем пальце был шрам в форме кривого крюка.

— Грай, — сказала Левера.

Черты снова собрались.

— Поэтому держу руку на виду.

— Шрам оставили специально?

— Сам оставил, когда понял, что имя уже не удержать. Боль туман забрать не смог. Она ничья, пока я сам не назову, за что платил.

Левера достала мел и провела на внутреннем борту лодки

черту.

— Это что?

— Первый след. Если забуду тебя, увижу черту и спрошу.

— А если забудешь, зачем провела?

Она добавила рядом букву «Г».

— Тогда разозлюсь на плохую подпись. Злость у меня цепкая.

Грай коротко рассмеялся. Смех оказался неожиданно молодым.

Дома кончились. Здесь Морянка стояла на старых сваях, от которых наверху давно ничего не осталось. Они торчали из воды неровными рядами. Между ними висели ключья сетей и пучки морской травы. Цеховые карты обозначали место как гнилой лес — опасную полосу, где нельзя вести лодки даже при полном отливе.

Грай вёл.

Он не искал проход, а словно повторял давно выученное движение: два гребка к северу, один назад, поворот вокруг сваи с белой раковиной. Несколько раз лодка проходила там, где расстояние между брёвнами казалось уже её бортов. Тогда туман прижимался к воде и открывал чёрную щель ровно на длину корпуса.

— Ты платишь за каждый проход? — спросила Левера.

— Нет. Это след прежнего обмена.

— Какого?

— Я отдал туману право возвращаться домой по памяти.

Получил дорогу к тем, кому возвращаться некуда.

— Ты знал всю цену?

— Думал, что знал.

Левера услышала различие.

— Что было скрыто?

— Дом — это не доски и крыша. Когда отдаёшь путь домой, дом тоже перестаёт узнавать тебя. Дверь не подходит к ключу. Собака рвётся с цепи. Жена смотрит и ждёт, когда чужой объяснит, зачем пришёл ночью.

Весло замерло.

— Это случилось сразу?

— Сначала я путал повороты. Потом не смог найти свой мосток. Остром привёл меня за руку. Наутро я снова заблудился, хотя родился в том доме.

— Ты был картографом.

— Учеником. Мы с ним принимали третий осенний лист.

Левера достала щепку. Грай не потянулся к ней. Только открыл ладонь, и она положила дерево сверху.

— Твоя рейка?

Он провёл большим пальцем по резной букве.

— Моя.

— Второе имя выскоблили.

— Не второе имя. Предел. Здесь было написано: «только путь, не дом и не люди в нём». Видишь хвост крюка? Я вырезал сам.

— Тогда туман не должен был взять дом.

— Не должен был.

— Кто стёр предел?

Грай вернул ей щепку.

— Ты хочешь получить имя виновного раньше, чем увидишь людей, ради которых приехала.

— Я хочу знать, с кем сажусь в лодку.

— Поздно спрашиваешь.

Он снова взялся за весло. Левера решила не торопить. Если бы Грай хотел только обвинить Острома, он сделал бы это под коптильней, где каждое слово услышала бы Мара. Он вёз её к доказательству, которое считал важнее собственной истории.

Туман расступился у наклонённой сваи. За ней открылся просвет, окружённый остатками старого настила. Под ним висели шесть низких домов. Их построили не на сваях, а между ними: стены крепились к поперечным балкам, крыши почти касались нижней стороны мостков. С моря поселение нельзя было увидеть. Сверху его скрывали доски заброшенных складов.

На верёвках сушилась одежда. У стены стояли корзины с угрём, связки просмолённых штырей, деревянные колёса для тележек. В окне горела лампа, прикрытая синей тканью.

— Сколько вас? — спросила Левера.

— Сейчас двадцать семь.

— Сейчас?

— Люди приходят. Иногда уходят. Иногда мы не сразу за-

мечаем, что кто-то не вернулся.

У причала ждала женщина с коротко остриженными волосами. В руках она держала багор, направленный не на лодку, а на Леверу.

— Зачем привёз узнанную?

— Она увидела рейку.

— И притащила за собой цех?

— За нами никто не шёл.

— Ты не умеешь помнить лица преследователей.

— Зато умею считать вёсла.

Женщина посмотрела на Леверу.

— Кто ты?

— Левера, картограф.

— Здесь это не совет.

— Я не пришла советовать.

— Все узнанные так говорят, пока не увидят, как мы живём.

Она убрала багор ровно настолько, чтобы лодка могла пристать. Грай привязал нос к кольцу. На кольце вместо имени был вырезан знак: три зубца, один сломанный.

— Как к тебе обращаться? — спросила Левера женщину. Та прищурилась.

— Уже лучше. В цехе спросили бы имя.

Она постучала пальцем по сломанному зубцу.

— Зови Третьей.

— Почему?

— Потому что первой меня назвала мать, второй — муж. Оба имени туман взял. Это выбрала я.

Грай ступил на причал. Третья пропустила его без взгляда. Когда Левера поднималась, доска под ногой прогнулась, и женщина всё-таки подала ей руку.

Внутри первого дома было тепло. Вдоль стен стояли леджанки, разделённые занавесями. На каждой висел предмет вместо дощечки с именем: красная рукавица, поплавок, деревянная ложка, медный колокольчик. Левера насчитала двенадцать мест.

У печи мальчик лет семнадцати чинил сеть. На вид он был почти взрослым, но, увидев Грая, улыбнулся открыто и по-детски.

— Ладонь вернулся.

— Вернулся, Узел, — ответил Грай.

Левера посмотрела на него.

— Ладонь?

— Обращение. Оно держится лучше старого имени, потому что люди дали его после утраты и знают, за какое дело.

— Туман не забирает?

— Пока не включили в обмен.

Третья поставила на стол три кружки. На её кружке был выжжен сломанный зубец, на кружке Грая — раскрытая ладонь. Третью кружку она оставила чистой.

— Здесь двадцать семь человек, — сказала Левера. — Почему в Морянке никто не знает?

— Потому что знать и удерживать в памяти — разные работы, — ответила Третья. — Рыбаки видят нас. Покупают смолу, отдают чинить сети. Через день помнят, что дело сделано, но не могут сказать кем. Цех пишет в расходной книге: «потеря при хранении». Совет считает нас бродягами, которые приходят с отливом.

— А семьи?

— Иногда приносят еду. Оставляют у крайней сваи. Думают, что помогают несчастным вообще.

Она подвинула Левере кружку.

— Пей. За воду уже заплачено дровами.

Левера сделала глоток. Вода пахла дымом и железом.

— Покажите цену берега.

Третья посмотрела на Грая.

— Ты обещал ей показать поселение или записи?

— Поселение.

— Тогда записи не получит.

— Мне нужны доказательства, — сказала Левера.

— Для кого?

— Для совета.

— Совет не примет наши слова.

— Примет мои.

— Пока у тебя есть имя.

Левера поставила кружку. Третья знала о предложении Острома или догадалась по тому, как Грай привёз картограф среди ночи.

— Старший хочет купить моим именем постоянную гавань.

Узел перестал перебирать сеть.

Третья не удивилась.

— Значит, старый обмен развалился раньше, чем мы думали.

— Какой старый обмен?

— Тот, которым оплачены сваи под твоими ногами.

Она отдернула половик. В полу оказалась крышка без ручки. Третья подцепила её остриём багра. Из темноты пахнуло морем.

Под домом шла толстая поперечная балка. На ней одно за другим были вырезаны имена. Часть Левера смогла прочесть: Сайр, Улла, Креч, Милада. Другие расплывались перед глазами, хотя буквы оставались чёткими. Между именами стояли цеховые печати и один и тот же знак отмели — такой же, как на найденной рейке.

— Это опора старой Морянки, — сказала Левера.

— Нижний пояс, — подтвердил Грай. — До нынешнего ряда домов берег начинался здесь.

— Эти люди отдали имена за сваи?

— Нет, — сказала Третья. — Они отдали по одному воспоминанию о доме за право поставить одну сваю на девять приливов. Честная цена. После девятого прилива сваи должны были уйти, воспоминания — вернуться.

— Но сваи остались.

— Цех продлевал пользу, не возвращая цену. Каждый сезон добавлял к записи новое имя. Когда человек требовал память назад, ему говорили, что отлив ещё не завершил работу.

Левера легла на пол и посветила вниз маленькой свечой. В зарубках был порядок. Девять коротких линий, затем печать. Снова девять линий, новое имя и ещё одна печать. В нескольких местах перечёркнутый крюк — предел — был срезан рубанком. Дерево вокруг гладкое и светлее остальной балки.

— Сколько лет?

— Двадцать три, — сказал Грай.

— Сваи столько не стоят.

— Эти стоят, потому что туман считает обмен незавершённым. Он поддерживает пользу, пока получает цену.

Левера коснулась ближайшей зарубки. Балка была холодной и влажной, но крепкой, словно её положили вчера.

— Значит, нынешняя Морянка держится на продлённой сделке.

— Часть Морянки, — поправила Третья. — Коптильни, нижний ряд, цеховой причал. Всё, что строили после старого шторма.

— Дом Мары тоже?

— Его северная свая.

Левера села. Первым желанием было возразить: она сама меняла северную опору двенадцать лет назад. Потом поня-

ла, что меняла верхнюю часть. Под водой новое дерево соединялось со старой балкой, и никто не спрашивал, на чём та держится.

— Почему вы живёте здесь?

Третья усмехнулась без веселья.

— Потому что дома наверху нас забыли, а долг внизу помнит. Рядом с собственным именем человек дольше остаётся собой. И потому что если балка треснет, первыми услышим мы.

Узел подошёл к люку и опустился на колени.

— Моё там есть?

— Нет, — резко сказала Третья.

— Ты каждый раз так отвечаешь.

— И каждый раз правильно.

Он протянул руку к буквам. Грай перехватил его запястье.

— Не трогай чужую цену без спроса.

Юноша вырвался и отошёл к печи.

— Его зовут Узел, потому что он связывает сети? — спросила Левера.

— Потому что нашли с верёвкой на шее, — сказала Третья. — Сборщики привязали его к свае, чтобы утром семья узнала, кого потеряла. Семья прошла мимо. Он развязал узел сам.

Левера закрыла крышку.

— Мне нужно снять копию.

— Нет.

— Без неё совет скажет, что я придумала балку.

— С копией цех поймёт, где мы живём.

— Остром и так знает.

— Остром знает про дальние сваи. Не знает, в каком доме люк.

— Он может найти.

— Тогда пусть ищет. Не ты приведёшь.

Левера достала меловую дощечку, но положила её на стол, не разворачивая.

— Что вы хотите от меня?

— Я ничего, — сказала Третья. — Ладонь притащил тебя без общего решения.

— Я хочу, чтобы она увидела людей раньше записей, — сказал Грай. — Иначе она возьмёт балку, принесёт совету, получит спор о печатях и забудет, ради кого спорит.

— Я не могу забыть двадцать семь человек.

Третья наклонилась к ней.

— Назови пятерых.

— Грай. Ты — Третья. Узел.

Левера замолчала.

Она видела красную рукавицу на занавеси, поплавков, ложку и колокольчик. За перегородками дышали люди. Но пятерых назвать не могла.

— Вот, — сказала Третья. — Уже забываешь тех, кого не успела узнать.

— Тогда познакомьте.

— До совета осталось мало времени.

— Тем более.

Третья долго смотрела ей в лицо, словно проверяла не искренность, а вес обещания. Потом ударила багром в потолочную балку: два раза, пауза, один раз.

Из-за занавесей вышли люди. Пожилой мужчина с красной рукавицей на левой руке. Девушка, на шее которой висел маленький поплавок. Сгорбленная женщина с деревянной ложкой за поясом. Ещё шестеро подошли из соседнего дома. Они становились вдоль стены, не называя прежних имён.

— Рукавица, — сказал мужчина. — Чиню печные трубы. Цена забрала подпись.

— Поплавок. Нахожу утонувшие вещи. Цена забрала дорогу домой.

— Ложка. Варю на всех. Цена забрала родство.

— Два Гвоздя, — сказал высокий человек, показав два гвоздя в мочке уха. — Ставлю опоры. Цена забрала ремесленное имя, цех объявил мои работы ничьими.

— Синяя Нить. Шью паруса. Цена забрала долг: мне перестали возвращать заработанное, потому что никто не помнит, у кого брал.

Левера слушала и рисовала на дощечке не лица, а знаки. Рукавица. Поплавок. Ложка. Два гвоздя. Нить. После каждого повторяла вслух дело и утрату. Люди поправляли её, если она меняла слово.

Когда очередь дошла до старухи с медным колокольчиком, та ничего не сказала. Позвонила один раз.

— Колокол не говорит после третьего сбора, — объяснил Грай. — Но слышит.

Старуха позвонила дважды, сердито.

— Слышит лучше нас, — исправился он.

Левера нарисовала колокольчик.

— Что она умеет?

Старуха показала на воду, потом сложила ладони домиком и резко развела их.

— Слышит, где треснет свая, — сказал Узел.

Колокол кивнула.

— Что забрала цена?

Старуха коснулась губ, затем провела пальцем по горлу.

— Обращение, — сказал Грай. — Люди перестали слышать, когда она называла себя. Потом исчез голос.

— Это не одно и то же.

— Для тумана стало одним, потому что предел выскоблили.

Левера перестала рисовать.

— Кто выскоблил?

Грай опёрся ладонями о стол.

— Я видел только одну рейку. Свою. После обмена Остром нашёл меня у чужого дома. Привёл в цех, показал запись. Предел уже был срезан. Он сказал, что дерево разбухло и знак испортился.

— Ты поверил?

— Хотел поверить человеку, который помнил меня.

— А потом?

— Через три дня он перестал узнавать меня с первого взгляда. Через девять приливов не вернул рейку туману. Сказал, польза ещё нужна слободе. Я украл её из архива и унёс на отмель. Хотел закончить обмен сам. Туман принял рейку, но не смог вернуть то, что уже разошлось между домом, женой и цеховой книгой. Тогда Остром отобрал её и бросил в зыбь.

— Значит, ты не видел, кто стёр знак.

— Нет.

Ответ был чистым и потому неудобным. Левера не получила обвинения, которое можно принести совету. Получила только поступок Острома после подмены: он скрыл последствие и не завершил обмен в срок.

— Почему он тебя не выгнал из слободы?

— Выгнать можно того, чьё присутствие признают. Я просто перестал числиться.

Сверху протяжно скрипнула доска.

Все в доме замолчали.

Колокол подняла голову. Позвонила один раз, потом ещё два — не так, как созывала людей Третья.

Грай погасил лампу. Третья уже стояла у двери с багром.

По старому настилу над ними кто-то шёл. Шаг, пауза, осторожный перенос веса. Не местный: местные знали, ка-

кие доски обходить.

— За нами всё-таки пришли, — прошептала Третья.

— Одно весло, — ответил Грай. — Я слышал одно.

Левера вспомнила сеть в руках Вескара и его предупреждение. Запах трубки она почувствовала раньше, чем в щель двери показался красный огонёк.

— Вескар, — сказала она.

— Ты уверена? — спросил Грай.

— Его табак пахнет сушёной грушей.

Третья приоткрыла дверь. Снаружи раздалось ругательство, плеск и удар колена о причал.

— Если вы собирались меня утопить, — прошипел Вескар, — могли выбрать место с лестницей.

Он ввалился в дом, мокрый по пояс, с сетью на плече. Увидел Левору и закрыл глаза.

— Конечно. Картограф уже здесь. Зачем мне хоть раз успеть раньше беды?

— Ты следил за нами?

— Я следил за Остромом. Потом увидел лодку Ладони и решил, что беда выбрала короткую дорогу.

Грай стоял в двух шагах от него.

— Ты меня узнаёшь?

Вескар открыл глаза. Посмотрел на раскрытую ладонь, на шрам, на седую прядь.

— Сейчас — да.

— А минуту назад?

— Помнил, что лодка чья-то.

Грай отвернулся.

Вескар снял сеть и положил на пол. Внутри звякнул металл.

— Совет собирается не на рассвете, — сказал он. — Остром перенёс на предполуденный колокол. Через час objevяют чрезвычайную воду и возобновят сбор.

— Откуда знаешь?

— Лутар велел мне поставить лодки у домов, которые откажутся. Якобы для спасения людей, если начнут ломать мостки. А в сети вот это.

Он раздвинул мокрые ячеи. Там лежала одна из старых обменных чаш. По краю шли четыре знака. Перечёркнутый крюк был цел.

Третья подняла багор.

— Украл?

— Терен уронил ящик на лестнице. Одна доска треснула. Я помогал собирать и взял то, что Остром так старательно прятал.

— Зачем принёс сюда? — спросила Левера.

— Не сюда. Тебе. Только ты исчезла вместе с человеком, которого я не умею помнить.

Грай взял чашу обеими руками. Туман под полом сразу ударил в балку. Дом дрогнул. Сверху посыпалась труха.

— Она из моего обмена, — сказал он.

На внутренней стороне чаши проступили буквы. Не имя

— четыре короткие строки, выжженные влагой:

Путь к людям без дома.

Память дороги к своему дому.

На девять приливов.

Не брать дом и людей в нём.

Левера прочитала дважды.

— Предел был на чаше всё время.

— Поэтому её заперли, — сказал Вескар. — Рейку можно выскоблить. Чашу туман пишет заново, когда касается тот, кто платил.

Снаружи, далеко над крышами, ударил колокол совета.

Один раз.

Потом второй.

До полнолуночи оставалось меньше часа.

Левера свернула дощечку со знаками жителей и отдала Третьей.

— Спрячь. Я не понесу дорогу сюда.

Третья взяла её, удивившись.

— Тогда что понесёшь совету?

Левера показала на чашу.

— Не доказательство поселения. Доказательство подмённой цены.

— Совет спросит свидетеля, — сказал Вескар.

— Ты видел чашу в цеховом ящике.

— Видел.

— Терен видел, как она выпала.

— Он испугается матери.

— Значит, назовём цену его страха перед всем советом.

Грай прижал чашу к груди.

— Моё слово не примут.

— Примут не слово. Обмен отвечает на твоё прикосновение.

— Для совета я не человек.

— Тогда придёшь как сторона незавершённой сделки.

Он посмотрел на неё так, словно она предложила войти в огонь, который однажды уже отнял у него дом.

— Остром назовёт меня вором.

— Чашу украл Вескар.

— Благодарю, — сказал тот.

— А ты вернёшь цеху возможность исправить запись. Это честная польза.

— Какую цену потребуешь?

Левера раскрыла ладонь.

— Чтобы ты сам решил, входить ли в зал. Не я, не Третья и не вся Морянка за тебя.

Под полом снова толкнула вода. На этот раз дом устоял.

Грай поставил чашу на стол и накрыл её ладонью. Влага на внутренней стороне собралась в четыре ясных знака.

— Я войду, — сказал он. — Но если они откажутся услышать, ты не назовёшь это непониманием. Они знают цену.

— Назову выбором.

Третья открыла дверь. Белая вода поднялась до нижней

ступени причала. Обратный путь становился уже.

Левера первой села в лодку. На борту белела меловая черта и кривая буква «Г». На этот раз, глядя на них, она вспомнила не только имя. Она вспомнила двадцать семь мест под старыми сваями, предметы на занавесях и балку, которая держала Морянку, потому что долг не отпускал тех, кого слобода уже отпустила из памяти.

Грай сел на корму. Вескар устроился на носу, прижимая сеть к коленям. Чашу завернули в его куртку.

— Быстро не получится, — сказал Грай. — Вода закрыла прямой проход.

Третий удар колокола прокатился над туманом.

— Тогда веди честной дорогой, — ответила Левера.

Он раскрыл ладонь над водой.

Туман отступил ровно настолько, чтобы лодка вошла между сваями.

Глава 6. Свидетель, которого нет

К Морянке они вышли снизу.

Грай провёл лодку под советным домом, где настил держался на семи толстых сваях. Над головами гудели голоса. Люди пришли раньше колокола: тяжёлые шаги сдвигали пыль между досками, стулья скребли пол, кто-то требовал открыть двери.

— У главной лестницы нас увидят, — сказал Вескар.

— Для этого идём, — ответила Левера.

— Увидеть тебя и увидеть его — не одно и то же.

Грай не поднял головы. Он смотрел на чашу, завёрнутую в куртку Вескара.

— Есть задняя лестница, — сказал он. — Для тех, кого приводили отвечать перед советом.

— Откуда знаешь?

— По ней меня выводили после первого обмена. Чтобы люди не спрашивали, почему картограф забыл свой дом.

Лестница нашлась за решёткой для пустых бочек. Нижние ступени сгнили, и пришлось цепляться за поперечины. Левера поднялась первой, сдвинула засов коптильным крюком Мары и оказалась в тесной кладовой. На полках лежали связки свечей, запасные чернильницы и дощечки для решений совета. На верхней уже было вырезано: «О чрезвычайной воде».

Ниже оставили место для цеховой печати.

Левера взяла дощечку.

— Решение приготовили до собрания.

— Обычное дело, — сказал Вескар, выбираясь из люка.

— Совет долго спорит только о том, где поставить уже выбранную печать.

Грай остался внизу.

— Идёшь? — спросила Левера.

— Пока ты на меня смотришь.

— И после.

— После ты можешь забыть, зачем привела чужого человека.

Левера вытащила мел и на внутренней стороне запястья написала: «Грай. Чаша. Незавершённый обмен». Потом протянула мел Вескару.

— Пиши тоже.

— На себе?

— Можешь на лбу. Совет быстрее поймёт.

Он проворчал, но вывел те же слова на руке. Грай поднялся.

Из кладовой вёл узкий проход за помостом. Остром говорил в зале, и каждое слово проходило сквозь тонкую стену.

— Первый большой прилив придёт через четыре дня. Северная опора коптильного ряда уже сдвинулась. Нижние дома останутся без защиты, если сбор не возобновить этой ночью.

— Почему ночью? — крикнула Мара.

Левера узнала голос и невольно улыбнулась.

— Потому что туман поднялся раньше расчёта, — ответил Остром.

— Или потому что утром Левера принесла бы твои старые чаши?

По залу прошёл шум.

Грай остановился. Через щель между досками было видно плечо Острома и край длинного стола. Старший стоял лицом к собравшимся. За ним висела новая карта, на которой красная полоса воды доходила до коптилен.

— Картограф Левера отстранена от приёмки новой отдели, — сказал он. — Она покинула слободу перед чрезвычайным собранием и не сообщила, куда направилась.

— Сообщила мне, — сказала Мара.

— Родственная сторона не считается независимым свидетелем.

— Зато старший цеха, который сам просит чрезвычайные полномочия, конечно, независим.

Кто-то засмеялся. Остром дождался тишины.

— Мы обсуждаем воду, не мои полномочия.

Левера толкнула дверь помоста.

— Тогда начнём с того, на чём держится твоя карта.

Все головы повернулись к ней. В зале собралось не меньше восьмидесяти человек. Советники сидели за столом: семеро хозяев пристаней, старшая солеварни, двое от рыбаков

и Остром как хранитель береговых листов. У стен стояли жители нижнего ряда. Ней был рядом с отцом, но Селв держался от него на расстоянии.

Мара пробралась вперёд и схватила Леверу за обе руки.

— Цела?

— Да.

— Вернулась до рассвета.

— Даже до полуночи.

Мара увидела Грая. Взгляд скользнул по нему и ушёл к Вескару.

— Кто с вами?

Левера показала своё запястье.

— Грай. Сторона незавершённого обмена.

Остром сошёл с помоста.

— Уберите чашу, — сказал он.

Он узнал свёрток, хотя ткань скрывала дерево.

Вескар развернул куртку.

— Эту?

— Она принадлежит цеху.

— Значит, признаёшь её подлинной?

— Признаю украденной.

Лутар двинулся к Вескару, но Мара встала между ними.

— Сначала совет услышит, что вы прятали.

Председательствовала в эту осень Руна, хозяйка солеварни. Невысокая седая женщина ударила мерной ложкой по столу.

— Чашу сюда. Вескар остаётся в зале до решения о краже. Левера объясняет, кого привела.

Грай подошёл к столу сам. Он шёл медленно, держа раскрытую ладонь перед собой. Люди расступались, но тут же оглядывались, словно забывали причину движения.

— Назови себя для записи, — сказала Руна.

— Грай.

Писарь занёс резец. Потом нахмурился.

— Повтори.

— Грай.

Резец коснулся воска, но писарь вывел только первую черту и остановился.

— Не держится.

— Поэтому я здесь, — сказал Грай.

Остром смотрел на него без выражения.

— Этот человек много лет живёт вне слободы, — произнёс он. — Его рассказы нельзя проверить.

— Ты сказал «этот человек», — заметила Левера. — Значит, узнал.

— Узнал чашу и понял, кого ты могла найти.

— Назови его.

Остром промолчал.

Руна снова ударила ложкой.

— Совет не будет играть в имена. Какое отношение человек имеет к воде?

— Двадцать три года назад он отдал память дороги домой,

— сказала Левера. — Взамен получил путь к людям, которым некуда возвращаться. Срок — девять приливов. Предел — не брать дом и людей в нём. Цех не завершил обмен и скрыл предел на рейке.

— Ложь, — сказал Лутар.

— Пусть чаша ответит.

Грай положил ладонь на дерево. В зале стало холодно. На внутренней стороне выступила влага и собралась в буквы. Руна наклонилась. Писарь прочёл условия вслух.

Когда он дошёл до последней строки, люди заговорили одновременно.

— Тишина! — крикнула Руна.

Остром взял чашу за край. Буквы сразу потускнели.

— Старое дерево откликается на память владельца, — сказал он. — Это доказывает, что человек участвовал в обмене. Не доказывает подмену.

— На его рейке предел выскоблен, — сказала Левера.

— Рейка пролежала в воде двадцать лет.

— След рубанка не делает вода.

— Где рейка?

— Ты отобрал и бросил её в зыбь.

Остром повернулся к Граю.

— Ты это видел?

— Видел.

— Кто ещё?

Грай оглянулся на людей. Его взгляд остановился на даль-

нем углу, где стоял пожилой сборщик с перевязанной шеей.

— Корн.

Сборщик вздрогнул.

— Я тебя не знаю.

— Ты держал фонарь. Остром сломал рейку о колено, а ты сказал, что дерево ещё годится для печи.

Корн покачал головой.

— Не было такого.

— У тебя загорелась рукавица. Ты сунул руку в воду и неделю ходил с волдырями.

Корн спрятал левую руку за спину.

Люди рядом заметили движение. Руна велела ему выйти вперёд.

На ладони сборщика белел старый ожог.

— Откуда? — спросила она.

— Не помню. Давно.

— Ты помнишь рейку?

— Нет.

— Остром?

— Корн служил при цехе много лет, — сказал старший.
— Ожог мог получить где угодно.

— Верно, — согласилась Левера. — Поэтому не будем строить обвинение на одном шраме. Проверим то, что можно проверить сейчас. В чаше есть срок. Девять приливов давно прошли. Почему обмен не завершён?

Остром вернулся к карте.

— Потому что полученная польза действует. Путь этого человека по-прежнему ведёт к тем, у кого нет дома.

— Он готов вернуть пользу.

— Нельзя вернуть пройденные дороги.

— Можно отказаться от права на следующие.

— И оставить без помощи тех, кого он возит.

Грай сжал край стола.

— Я не просил тебя решать за них.

Несколько человек обернулись, будто слышали голос из пустого места.

Остром впервые посмотрел ему прямо в лицо.

— Я решал за слободу.

— Ты решал за мой дом.

— Твой дом стоял бы под водой после большого шторма.

— Он стоял. Только меня в нём не было.

Левера увидела, как у Острома дрогнуло веко. Он помнил больше, чем признавал. Возможно, каждое утро узнавал Грая заново по тому же шраму и каждый вечер снова терял.

Руна перевернула чашу, осмотрела дно.

— Если обмен просрочен, почему туман не забрал пользу сам?

— Потому что цех продлевает её новыми именами, — ответила Левера. — Сезон за сезоном. Старые опоры Морянки держатся на незавершённых сделках.

— Где опоры?

Третья была права: этот вопрос придёт первым.

— Я не назову место без согласия людей, которые там живут.

Остром развёл руками.

— Удобное доказательство. Скрытая балка, невидимые жители и человек, чьё имя нельзя записать.

— Чаша видима.

— Чаша доказывает один ошибочный обмен двадцатилетней давности. Мы решаем, спасать ли дома через четыре дня.

— Ошибочный? — спросил Грай.

Остром понял промах, но поздно.

— Ты только что говорил, что подмены не было, — сказала Левера. — Теперь называешь обмен ошибочным.

— Ошибкой было не вернуть человеку память в срок. Я этого не отрицаю.

По залу прошёл новый шум. Остром поднял голос.

— Но одна старая вина не отменит нынешнюю воду. Я отвечаю перед советом после прилива. Сейчас нужно закрепить отмель.

— Чужими именами?

— С полным предупреждением о последствиях.

Ней вышел из толпы.

— Моего отца предупредили, что он забудет меня?

— При прошлом сборе — нет, — сказал Остром. — Это было неправильно.

Селв посмотрел на Нею, потом на старшего.

— Он правда мой сын?

Остром не ответил сразу.

— По домово́й книге — да.

— Я не спрашивал книгу.

Ней побледнел, но остался рядом.

Руна постучала ложкой.

— Совет получил основание проверить старые обмены.

Но вода не ждёт проверки. Предложение старшего: объявить чрезвычайную воду до первого большого прилива, разрешить сбор букв с устным перечислением возможных утрат и принять новую отмель цеховой печатью. Кто за обсуждение?

Поднялись шесть рук из одиннадцати.

Левера положила перед Руной приготовленную дощечку.

— Вы уже вырезали решение.

Советница прочла и нахмурилась.

— Это заготовка писаря.

— В ней нет предела. Нет срока чрезвычайных полномочий. Нет запрета брать родство, дом, подпись и право свидетельствовать. Вы собираетесь повторить ту же сделку, доказательство которой лежит перед вами.

— Устное предупреждение будет дано.

— Предупреждение не предел. Человек может знать, что его ограбят, но это не делает грабёж честным обменом.

Руна отодвинула дощечку.

— Предложи запись, которую примет туман и которая даст нужный берег.

— Для этого нужен расчёт пользы и цены. До рассвета я

могу проверить старые листы.

— До рассвета вода поднимется ещё на локоть.

— Не поднимется, — сказал Грай.

Его не слышали. Левера повторила:

— Он говорит, не поднимется.

— Откуда знает? — спросил рыбак с края стола.

Грай подошёл к карте. Люди забывали его уже на пути, зато его палец остался на красной полосе.

— Здесь течение нарисовано против ветра. Вода не идёт к коптильням. Она уходит под старый пояс и возвращается у восточной косы.

Остром заслонил карту.

— Ты двадцать лет не делал промеров.

— Я двадцать лет хожу под сваями.

— Без признанного ремесленного знака.

— Вода не спрашивает знак.

Левера приблизилась. Красная полоса действительно была странной. По карте течение огибало новую отмель с юга, но ветер весь день дул с северо-запада. Чтобы вода пошла так, под слободой должен существовать второй проход.

— Где промер восточной косы? — спросила она.

— Лутар делал вечером.

Лутар опустил глаза.

— Глубина?

— Три с половиной сажени.

— При какой отметке отлива?

— При второй.

— Сейчас третья. Значит, там меньше трёх. Красная вода не может прийти к нижнему ряду раньше рассвета.

— Может, если новый желоб углубится, — сказал Остром.

— Тогда покажи промер желоба.

— Его нет.

— Почему он есть на карте?

Зал стих.

Остром посмотрел на красную линию так, словно впервые увидел собственную руку.

— Это расчёт вероятного размыва.

— Вероятного. А совету ты сказал, что опора уже сдвинулась.

— Она скрипит.

С дальнего конца зала раздался звон.

Медный, слабый, но ясный.

Один раз.

У двери стояла Колокол. Рядом Третья держала её под локоть. За ними теснились Рукавица, Два Гвоздя и Поплавок. Никто не заметил, как они вошли.

— Кто эти люди? — спросила Руна.

— Те, на чьих обменах стоят ваши стулья, — ответила Третья.

Остром побелел.

— Вы не должны были приходить.

— Значит, помнишь нас, — сказала она.

Два Гвоздя положил на стол мокрый деревянный штырь.

— Северная опора не сдвинулась. Я был у неё час назад.

Скрипит верхняя накладка, которую цех менял прошлой зимой. До первого прилива выдержит. После — не обещаю.

— Твоё ремесло не признано, — сказал Лутар.

— Моими руками поставлены три опоры под твоим домом.

— Докажи.

Два Гвоздя повернул штырь. На конце был вырезан его знак.

Лутар узнал работу. Это было видно по тому, как он отступил.

Руна велела писарю записать новых свидетелей. Тот спросил имена.

— Третья.

— Это не имя.

— Это обращение, которое я признаю.

— В домовый книге такого нет.

— В домовый книге меня тоже нет. Поэтому я говорю здесь.

Писарь посмотрел на Руну. Та взяла резец у него из рук.

— Свидетельница под обращением Третья, — произнесла она и вырезала знак сама.

Остром ударил ладонью по столу.

— Совет не может менять порядок записи посреди чрезвычайного собрания.

— Может, если прежний порядок не способен записать человека, которого мы видим, — сказала Руна.

— Вы создадите подложные права. Завтра любой назовётся новым словом и потребует дом.

— Сегодня никто не требует дом, — ответила Третья. — Мы требуем не платить нами за ваш берег ещё раз.

Колокол позвонила дважды и указала вниз.

— Она слышит старые опоры, — объяснил Грай. — Если треснет балка, звонит три раза без паузы. Сейчас она говорит: вода уходит.

— Её слово нельзя проверить, — сказал Остром.

— Можно, — сказала Левера. — Поставим две лодки: одну у восточной косы, вторую у северной опоры. Отметим воду каждые четверть часа. Через час увидим направление. До результата сбор не возобновлять.

Руна посмотрела на советников.

Теперь поднялись девять рук.

— Сбор приостановить на час, — объявила она. — Вескар и Лутар идут к восточной косе. Левера и Два Гвоздя — к северной опоре. По одному наблюдателю от домов. Чаша остаётся у совета. Человек по имени Грай остаётся как сторона обмена.

— Я пойду с Леверой, — сказал Грай.

Писарь поднял голову.

— Кто сказал?

Левера показала на него.

— Грай.

— Он должен остаться.

— Тогда поставьте рядом человека, который будет помнить, кого удерживаете.

Руна задумалась, затем обвязала запястье Грая красной нитью и второй конец передала писарю.

— Пока нить натянута, он здесь. Запиши: сторона обмена с красной нитью.

Грай посмотрел на узел.

— Так раньше привязывали преступников.

— Сегодня привязываем память, — сказала Руна. — Если не согласен, нить снимем.

Он проверил, не туго ли затянуто, и кивнул.

Левера направилась к двери. Остром преградил ей путь.

— Ты выиграла час, — сказал он тихо. — Не берег.

— Мне не нужен выигрыш у тебя.

— Когда вода покажет мой расчёт, сбор всё равно начнётся.

— Тогда хотя бы люди услышат полную цену.

— И откажутся. А через четыре дня будут просить, чтобы я взял её без спроса.

— Это будет их следующий выбор. Не твой нынешний.

Остром отступил.

На мостке Мара догнала Левера и накинула ей на плечи сухую куртку.

— Кто такая Третья? — спросила она.

— Женщина из поселения под дальними сваями.

Мара нахмурилась, пытаясь удержать сказанное.

— Какого поселения?

Левера взяла её за руку и нарисовала на ладони три зубца, один сломанный.

— Людей, которых мы забываем, пока отворачиваемся.

— Я не хочу забывать.

— Тогда придётся работать. Память сама не удержится.

Они спустились к воде. За спиной советный дом шумел голосами людей, которым впервые пришлось решать не только, сколько стоит берег, но и кто имеет право назвать цену.

У северной опоры Два Гвоздя уже крепил к свае мерную ленту. Ней сел в лодку наблюдателем от нижнего ряда. Селв остался на мостке и смотрел вслед, словно провожал знакомого, чьё место в своей жизни ещё не умел назвать.

Левера сделала первую отметку.

Вода опустилась на ширину ногтя.

Не поднялась.

Далеко в совете один раз звякнула чаша. Туман принял отсрочку, потому что у неё были ясная польза, цена — один час ожидания — и предел: ни одной новой буквы до проверяемого ответа.

Глава 7. Первая карта прилива

За час вода ушла на две ладони.

Левера отметила последнюю черту на мерной ленте и провела ногтем по влажной свае. Выше темнели четыре прежние засечки. Нижняя блестела свежим деревом. Между ними помещалось достаточно правды, чтобы отменить ночной сбор, но недостаточно, чтобы понять, зачем Остром нарисовал красную воду там, где её не было.

Ней держал фонарь над лодкой. Ветер трепал огонь и всякий раз бросал на его лицо то взрослую резкость, то мальчишескую растерянность.

— Если мы покажем это совету, отец вспомнит меня? — спросил он.

— Нет.

Левера не стала смягчать ответ. После всего увиденного мягкая лож казалась ещё одной разновидностью цеховой печати: с виду защищает, а на деле прячет цену.

— Тогда что изменится?

— Сегодня с других дверей не срежут буквы. А завтра мы найдём, куда делись прежние.

Два Гвоздя подтянул верёвку, которой лодку прибило к опоре.

— Буквы в воду не падают, — сказал он. — Я искал.

— Ты думал, их можно выловить?

— Сначала думал. Потом понял: дерево остаётся на двери, а пропадает то, что люди связывали со знаком. Цех берёт не букву. Он открывает её заслонку.

Левера подняла фонарь к свае. Под новой накладкой выступал старый слой древесины, почти чёрный от соли. На нём были зарубки: короткая, длинная, две короткие, круг. Не плотничьи метки. Слишком мелкие и слишком ровные.

— Чья работа?

— Моя, — ответил Два Гвоздя. — Только я её не помню.

Он провёл пальцем по кругу и отдернул руку, будто дерево оказалось горячим.

— Зачем резал?

— Когда меня ещё звали как-то иначе, я ставил северный пояс. На каждой опоре оставлял знак бригады и номер листа. Здесь знак есть, а номер соскоблен. Остром велел накрыть старую древесину прошлой зимой. Сказал, от соли крошится.

— А она не крошилась.

— Нож идёт чисто. Видишь?

Два Гвоздя подцепил край накладки. Та была посажена на четыре новых штыря. Он вытащил первый голыми пальцами, второй расшатал рукоятью ножа. Под доской открылась ещё одна полоса зарубок. Девять групп, разделённых косыми чертами.

Ней присвистнул.

— Приливы?

— Похоже, — сказала Левера.

Она срисовала метки на оборот промерного листа. У восьми групп стоял знак закрытой ладони, у последней — раскрытой. Такой же знак был на рейке Грая. Рядом виднелся неглубокий желоб, в котором застряла белая крупинка.

Левера осторожно выковырнула её иглой циркуля. Не соль. Тонкий кусочек раковины, отполированный с одной стороны. На нём помещалась половина буквы.

— Это от именной вставки, — сказал Ней. — На богатых дверях буквы делали из перламутра.

— На богатых — крупные. Эта была не больше ногтя.

Два Гвоздя смотрел на осколок, прижав ладонь ко рту.

— У нас были рабочие бирки. На шею. Чтобы после обвала знали, кого искать.

— Сколько человек ставило пояс?

— Не держится. Шесть. Или девять. Помню руки, ругань, кашу в котле. Лиц нет.

Левера завернула осколок в промасленную бумагу.

— Значит, начнём с первого берегового листа, на котором появилась эта опора.

— Цеховой архив закрыт, — напомнил Ней.

— Для отстранённого картографа — да. Для назначенного советом промера — нет.

Когда они вернулись, Вескар и Лутар уже стояли посреди зала. На столе рядом лежали два листа с отметками. Обе лодки показали отлив. Остром не спорил с цифрами. Он лишь

потребовал, чтобы писарь записал: вывод действует до следующей смены ветра.

— До смены ветра, — согласилась Левера. — И запрет на сбор действует столько же.

— Совет назначал час.

— Совет назначал час для ответа. Ответ получен: чрезвычайной воды нет.

Руна перечитала отметки и ударила ложкой.

— Сбор не возобновлять до нового проверенного промера. Красную карту снять. Утром совет выберет двух наблюдателей на каждую точку.

Остром сам снял лист со стены. Бумага была ещё влажной, краска на красной полосе смазалась у него под пальцами. Он свернул карту окрашенной стороной внутрь.

— Чашу верните в цех, — сказал он.

— Чаша останется у совета, — ответила Руна. — До разбора обмена Грая.

Писарь дёрнулся, когда услышал имя, и посмотрел на красную нить. Грай сидел у стены. За час его успели забыть столько раз, что рядом поставили табурет с надписью: «Здесь находится сторона обмена». Он увидел Леверу и поднялся.

— Вода?

— Уходит.

— Я говорил.

— Говорил. Теперь это записано.

Левера положила рядом с чашей копию промера и попро-

сила Руну приложить советную зарубку. Та сделала это без возражений.

— Мне нужен доступ к старым береговым листам, — сказала Левера. — Не к последним сезонам. К первому поясу опор и ко всем местам, где отмель стала постоянной.

Остром остановился у двери.

— Для чего?

— Проверить, какие сделки удерживают Морянку.

— За ночь ты не разберёшь даже перечень.

— У меня есть до первого прилива.

— Четыре дня.

— Значит, ты согласен, что вода не придёт утром.

Кто-то у стены усмехнулся. Остром не обернулся.

— Архив принадлежит цеху. Доступ даёт старший.

— Тогда совет снимет печать с двери, — сказала Руна. — Сегодня мы едва не заплатили людьми за линию без промера. Я хочу знать, сколько таких линий уже принято.

— Вы погубите порядок хранения.

— Назначь хранителя.

— Все картографы заняты берегом.

— Я свободен, — сказал Вескар.

— Ты обвиняешься в краже чаши.

— Поэтому далеко не уйду.

Руна назначила хранителями Вескара и своего племянника Ворсу, который в солеварне считал мешки и не умел читать карты. Остром потребовал третий ключ оставить у себя.

Совет согласился, но велел ему открыть архив немедленно.

Грая отпустили под расписку, в которой он значился «стороной незавершённого обмена с выбранным обращением Грай». Руна дважды перечитала строку, словно пробовала новый узел на прочность. Красную нить сняли, но Грай свернул её и убрал в карман.

— На память? — спросила Левера.

— На случай, если память снова окажется занята.

Архив располагался над картографической мастерской. Левера провела там половину жизни и знала каждую ступень, но этой ночью лестница показалась чужой. Внизу на столах лежали свежие рейки, циркули, свинцовые грузила. На её месте стоял пустой лоток. Остром успел убрать не только её инструменты, но даже кружку с треснувшей ручкой.

Мара вошла следом и поставила кружку обратно.

— Нашла в ящике для золы, — сказала она.

— Ты полезла в цеховой ящик?

— Я хозяйка копильни. Мы лезем в любое место, откуда пахнет гарью.

Она принесла корзину с хлебом, копчёной мелочью и кувшином воды. За ней пришли Третья и Два Гвоздя. Ворса попытался их остановить, но Руна велела записать каждого, кто входит, а не решать, достоин ли он двери.

Остром открыл три замка. За дверью пахло сухой кожей, пылью и горьким составом, которым берегли бумагу от плесени. Полки поднимались до потолка. На нижних лежа-

ли нынешние карты, на верхних — свёртки, которых Левера прежде не видела.

— Каталог, — потребовала она.

Остром указал на узкую книгу у окна.

Левера раскрыла её. Первые страницы были заполнены знакомым почерком прежней хранительницы. Дальше строки становились всё короче: год, участок, число листов. Ни имён землемеров, ни оснований для новых линий.

— Где старый каталог?

— Сгорел в пожаре шестнадцать лет назад.

— В мастерской никогда не было пожара, — сказал Вескар.

— Горела кладовая масел.

— Она в другом конце причала.

Остром пожал плечами.

— Огонь не спрашивает карту.

— Зато оставляет копоть, — заметила Мара. — На этих полках её нет.

Остром посмотрел на неё устало.

— Я не обязан отвечать на каждое подозрение человека, который не знает хранения.

— А я не обязана верить человеку, который нарисовал прилив против ветра.

Руна велела Острому передать ключ Вескару и уйти из архива до утра. Старший положил ключ на стол, но не сразу убрал пальцы.

— Левера, — сказал он, — если ты вытащишь все долги разом, туман потребует расчёта разом.

— Значит, ты знаешь, что они здесь.

— Я знаю, на чём стоит город.

— Слобода.

— Пока слобода. Без закреплённого берега так и останется местом, откуда дети уезжают на первом надёжном судне.

— Твой сын уехал?

Ключ звякнул о стол.

Остром вышел, не ответив.

Левера подождала, пока шаги стихнут, и заперла дверь изнутри. Потом распределила работу. Вескар искал листы северного пояса. Ворса выписывал все постоянные участки по новому каталогу. Два Гвоздя сверял опоры с тем, что помнили его руки. Третья рассматривала обороты карт.

— Почему обороты? — спросил Ворса.

— Потому что лицевую сторону цех показывал вам, — ответила она.

Мара нарезала хлеб и заставила всех съесть по куску. Граю она протянула еду последнему, задержала руку и нахмурилась.

— Мы встречались?

— Много раз, — сказал он.

— Я должна извиниться?

— Не за то, чего не помнишь.

— Удобно говоришь.

— Долго учился.

Мара дала ему два куска.

Первый лист нашёлся через четверть часа. На нём был изображён северный пояс до постройки коптилен: семь опор, дуга волнолома и узкий проход под сваями. В углу стояло имя мастера — Яром Дей. Рядом другим почерком было добавлено: «Выбыл до приёмки». На следующем листе имя отсутствовало, зато волнолом удлинился на три сажени.

— Знаешь его? — спросила Левера у Двух Гвоздей.

Тот покачал головой. Потом взял лист обеими руками и провёл большим пальцем по дуге.

— Он ругался, когда мы ставили пятую опору. Говорил, угол съест лодки при восточном ветре. Остром приказал сместить на локоть. Яром не согласился.

— Ты вспомнил имя?

— Нет. Я прочитал. Но голос помню.

— Что с ним стало?

— Выбыл, — сказал Ворса, заглянув в каталог.

— Куда?

Ворса перевернул страницу.

— Не написано.

Грай стоял за спиной Леверы.

— Яром Дей жил под третьей дальней сваей, — сказал он.

— Теперь зовётся Узлом.

Третья закрыла глаза.

— Значит, первым нашли живого.

Левера положила лист отдельно и написала на обёртке: «Северный пояс. Мастер Яром Дей, ныне Узел. Польза сохранена. Цена и срок неизвестны». Она не стала писать «выбыл».

Второй след оказался у соляной пристани. Карту составила Тиша Венн, но в книге приёмки её подпись была выскоблена. Пристань получила каменное основание после осеннего обмена. Ворса помнил старуху, которая жила у рынка и отзывалась на Синюю Нить.

Третий лист показал рыбный желоб под восточной косой. Автор строки был срезан вместе с краем бумаги. На обороте Третья нашла продавленный знак поплавка.

— Он рядом со мной спит, — сказала она. — Каждую ночь просыпается, когда течение меняется. Думал, это бесполезно.

К рассвету отдельная стопка выросла до семнадцати листов. На каждом возникала новая часть Морянки: лестница, спасавшая детей при высокой воде; соляной настил; причал для дальних лодок; две опоры коптилен; водосборный желоб; мост к кладбищу; восточная коса, которую все считали природной. И на каждом человек исчезал между чертежом и приёмкой.

Иногда его имя заменяли словом «выбыл». Иногда оставляли пустую строку. Иногда писали, что работу завершил цех. Польза оставалась на карте, а тот, кто назвал цену, выпадал из записи.

— Семнадцать, — произнёс Ворса. — А там у вас двадцать семь человек.

— Не все строили, — сказала Третья. — Кто-то готовил еду, лечил, считал приливы. Карту берегли лучше людей.

— Это только один шкаф, — добавила Левера.

Вескар опустил на пол у стены. В руках он держал тонкий лист, почти прозрачный от времени.

— Вот первая карта прилива.

Она отличалась от остальных. Берег на ней был нанесён не одной линией, а девятью. Каждая показывала Морянку после очередной большой воды. Между линиями шли имена, условия и знаки возврата. Никакой цеховой печати. Внизу стояли отпечатки ладоней семи жителей и белое пятно, похожее на след мокрой раковины.

Левера разложила карту под лампой.

Первая запись была простой: «Жители дают туману память о пути через сухую косу до второго прилива. Туман даёт проход лодкам к морю до того же срока. После срока путь забывает туман, память возвращается жителям».

Под записью стоял предел: «Ни дом, ни имя, ни человек не входят в цену».

Мара прочитала вслух дважды.

— Значит, раньше отдавали не имена.

— И возвращали отданное, — сказала Левера.

Вторая запись меняла память о запахе одного летнего цветка на три дня спокойной воды. Третья — память о песне

без слов на проход рыбацкой артели. В каждой были срок и возврат. Люди отдавали то, без чего могли прожить сезон, но не переставали принадлежать себе и друг другу.

На четвёртом приливе почерк менялся. Вместо семи ладоней появлялась первая цеховая печать. Условия были короче: «По одной домашней букве за укрепление нижнего берега». Срока не было. Предел приписали позже, бледными чернилами: «По усмотрению хранителя».

— Здесь началось, — сказал Вескар.

— Нет, — возразил Грай. — Здесь это впервые записали так.

Он указал на край карты. Под слоем защитного состава виднелись мелкие проколы. Левера посчитала их: двадцать семь.

— Бирки?

Два Гвоздя приложил найденный осколок раковины к ближайшему отверстию. Размер совпал.

— Именные вставки, — сказал он. — Их прикалывали к листу, когда человек входил в бригаду.

— Потом сняли, — сказала Третья.

— Не сняли. Сломали.

В одном проколе остался белый ободок, точно такой же, как на осколке из опоры.

Левера почувствовала, как складывается рисунок. Цех не просто принимал память вместо берега. Он привязывал имя работника к созданному месту. Пока пристань, мост или

опора служили Морянке, польза считалась продолжающейся. Значит, цена тоже не возвращалась. Человек исчезал, а его работа делалась доказательством, что обмен ещё действует.

— Поэтому Остром сказал, что нельзя вернуть пройденную дорогу, — произнесла она. — Он сделал пользу бессрочной. Любая работа продолжает служить, и этим оправдывают вечное удержание имени.

— Но первоначальная карта требует одинакового срока, — сказал Вескар.

— Требовала. Потом хранитель присвоил себе право определять предел.

Мара упёрлась ладонями в стол.

— Если мы вернём людям имена, рухнут опоры?

Никто не ответил сразу.

За окном светлел туман. Он не напелзал с моря, как бывало перед водой, а стоял между домами тонкими полосами, будто слушал через щели.

Левера перечитала первую запись.

— Честный обмен связывает цену с пользой. Если цена возвращается, пользу тоже нужно вернуть или оплатить заново.

— Вернуть туману соляную пристань? — спросил Ворса.

— Возможно.

— Там половина запасов слободы.

— Поэтому Остром боится расчёта.

— А ты не боишься?

— Боюсь. Но страх не превращает скрытую цену в нашу собственность.

Грай наклонился над картой. Его палец остановился у девятой линии, где берег почти совпадал с нынешним.

— Здесь должен быть возврат, — сказал он. — После девятого прилива.

Строку закрывала прямоугольная заплата из более новой бумаги. Левера поднесла лист к лампе. Сквозь заплату проступили тёмные знаки. Снять её сухой нельзя: порвётся основа.

Мара поставила рядом котелок с ещё тёплой водой.

— Пар?

— Смоет чернила.

Третья взяла карту за край.

— Под дальними сваями есть масляная вода. Ею снимали смолу с бирок. Бумагу она не ест.

— Откуда знаешь?

— Не помню. Значит, вероятно, делала это до того, как стала Третьей.

Левера не стала рисковать единственным листом. Они нашли в шкафу обрывок бумаги того же времени, наклеили на него новую заплату и испытали по капле воду, рыбий жир, масло для ламп и рассол. Третья смешала две части рыбьего жира с одной частью рассола. Клей размяк, чернила остались.

Заплату снимали втроём. Вескар держал лампу. Левера вводила под край костяную лопатку. Третья капала смесь из кончика иглы. Работа заняла столько времени, что Ворса успел дважды пересчитать стопку.

Под заплатой открылась последняя запись.

«После девятого прилива все созданные отмели возвращаются туману. Все отданные памяти возвращаются людям. Новый обмен заключается вслух перед теми, кто платит и получает».

Ниже шла ещё одна строка, перечёркнутая цеховым знаком:

«Хранитель не может продлить пользу без нового соглашения сторон».

В комнате стало тихо.

Два Гвоздя первым засмеялся. Смех вышел коротким и злым.

— Двадцать три года нас держат под сваями из-за куска бумаги.

— Не из-за бумаги, — сказал Грай. — Из-за людей, которые решили, что могут её закрыть.

Мара посмотрела на сестру.

— Что теперь?

Левера взяла чистый лист и положила рядом с первой картой. На нём она начертила нынешний берег: нижний ряд, коптильни, соляную пристань, северный пояс, кладбищенский мост и восточную косу. Потом красным, тем самым

цветом, которым Остром пугал совет, отметила семнадцать найденных мест.

У каждого написала имя, если оно сохранилось, и выбранное обращение, если человека удалось найти. Где сведений не было, оставила не пустоту, а слова: «Человек пока не найден».

— Это не береговая карта, — сказал Ворса.

— Первая честная за много лет.

— На ней нет глубин.

— Будут. Но сначала на ней появились те, кем за эти глубины заплатили.

Грай долго смотрел на красные отметки.

— Назови лист.

Левера написала сверху: «Карта первого прилива. Польза и невозвращённая цена».

За дверью повернулся ключ.

Все замерли. Вескар держал единственный ключ внутри. Второй был у Руны. Третий Остром должен был передать совету, но, видно, успел сделать копию или сохранил старый.

Дверь открылась на ширину ладони и упёрлась в засов.

— Уберите засов, — сказал Остром.

— Совет велел тебе уйти до утра, — ответила Левера.

— Утро наступило.

— Тогда приведи Руну.

— Первый прилив начался раньше.

Снаружи ударил колокол. Не тревожный тройной звон, а

длинный, тянущийся, как треск мокрого каната. Ему ответил второй — у восточной косы. Потом третий, со стороны кладбища.

Ворса бросился к окну.

Туман поднимался из-под домов.

Не шёл с моря. Выдыхался из старых опор, из щелей соляной пристани, из-под мостков и лестниц. Каждое место, отмеченное красным на новой карте, выпускало белую струю.

Первая карта лежала открытой. На девятой линии блеснула вода.

— Мы прочитали условие вслух, — сказал Вескар.

— И туман услышал, что срок нарушен, — ответила Левера.

Остром снова толкнул дверь.

— Теперь понимаешь? Долг нельзя было открывать частями. Дай мне карту.

Левера свернула новый лист, убрала за пазуху, а старую карту накрыла промасленной тканью.

— Нет.

— Тогда к первому приливу семнадцать мест потребуют расчёта.

— Не места. Люди.

— Вода не заметит разницы.

— Поэтому заметим мы.

Левера сняла засов. Остром едва не ввалился внутрь. За ним стояли Лутар и двое цеховых учеников с баграми. Стар-

ший увидел открытую последнюю запись и на миг прикрыл глаза.

Не удивился.

— Ты знал о возврате, — сказала Левера.

— Я знал, что случится, если произнести его перед туманом.

— Поэтому заклеил условие?

— Не я. Но я сохранил заплату, потому что Морянка не пережила бы честность ваших мёртвых основателей.

— Они оставили способ заключать новый обмен.

— Вслух перед всеми, кто платит. Собери слободу за четыре дня. Объясни каждому, что ради его имени придётся отдать причал, лестницу или дом. Потом спроси согласия у тех, кто уехал, умер или забыл себя. Не получишь его. Туман возьмёт берег.

— Значит, будем выбирать, что вернуть и чем оплатить заново.

— За четыре дня?

— За первый прилив, — поправил Грай.

Остром посмотрел на него и неожиданно произнёс:

— Грай, ты всегда путал смелость с правом рисковать чужой крышей.

Имя прозвучало ясно. Все в комнате его услышали.

Грай побледнел.

— Ты помнил.

— Каждое утро, пока видел твою чашу. К вечеру забывал

лицо. На следующий день читал запись снова.

— И ни разу не пришёл.

— Пришёл бы — путь привёл бы меня к вашему поселению. Цех получил бы право учитывать его как пользу. Тогда долг забрал бы не только твой дом.

В этих словах могла быть правда. Могло быть очередное оправдание. Левера не стала решать за один вдох.

Снизу закричали. Туман уже застилал мастерскую по щиколотку, хотя дверь на улицу оставалась закрытой. Белые нити просачивались через половицы и тянулись к старой карте.

На новом листе под одеждой стало холодно.

Левера развернула его. Красные отметки светились влажным блеском. Возле северной опоры проступило слово «Яром». Возле соляной пристани — «Тиша». Остальные места пока оставались без имён.

— Карта ищет тех, кем заплачено, — сказал Вескар.

— Нет, — ответила Левера. — Туман показывает, с кого начнёт расчёт.

Она взяла циркуль, рейку и сумку с листами.

— Два Гвоздя, води к Узлу. Третья — к Синей Нити и Поплавку. Мара, буди нижний ряд и открывай коптильню для тех, чьи дома стоят у красных мест. Вескар остаётся с первой картой и делает три копии последнего условия. Ворса несёт одну Руне.

— А ты? — спросила Мара.

Левера показала на красную точку у коптильни. Рядом

проступала новая буква. Не имя Мары. Первая буква была её собственной.

— Пойму, почему туман считает меня частью старого долга.

Остром встал между ней и дверью.

— Потому что ты пользовалась этими картами. Каждый путь, который ты приняла цеховой печатью, продлевал пользу.

— Мне было девять лет, когда исчез Грай.

— Долг не спрашивает возраст того, кто его наследует.

— Честный обмен спрашивает.

Левера провела линию от своего имени к коптильне и вслух сказала:

— Я не признаю тайное наследование цены. До конца первого прилива отдаю туману право узнавать мой голос в цехе. Взамен прошу не трогать имя Мары и дом коптильни, пока мы не проверим старый лист. Предел: ни один человек внутри дома не входит в цену.

Мара схватила её за плечо.

— Не смей платить собой без меня.

— Я плачу не за тебя. За время проверить долг, который продлевала своей печатью.

Туман поднялся до колен. На новой карте возле имени Леверы появились четыре знака: польза, цена, срок и предел.

Потом белая вода отступила от красной точки коптильни.

Ворса выдохнул.

— Принял.

— До конца прилива, — сказала Левера. — Не дольше. Она повернулась к Остроуму.

— Вот разница между нами. Я не называю временное спасение вечным правом.

Старший смотрел на четыре знака. В его лице не было поражения. Только страх человека, который слишком долго держал крышу на собственной спине и уже не верил, что её можно разобрать, не похоронив всех внутри.

— К концу прилива, — сказал он, — твои ученики перестанут узнавать голос старшего картографа. Они не выполнят приказ.

— Значит, приказы придётся объяснять.

Левера вышла на мостки.

Морянка просыпалась среди белых струй. Люди открывали двери, звали соседей и не понимали, почему туман поднимается из дерева, которому они доверяли больше, чем морю. Над крышами били колокола. Под сваями отвечал один медный голос — Колокол передавала неузнанным знак общего сбора.

Левера развернула новую карту прямо на мокрых перилах. На ней было семнадцать красных мест, два найденных имени и её собственная временная цена.

Берег впервые показывал не только, где можно пройти. Он показывал, по кому прошли.

Глава 8. Имя сестры на весах

Первым её перестал слышать Ворса.

Левера окликнула его с мостка, когда он уже бежал к советному дому с копией старого условия. Парень не обернулся. Она крикнула громче. Ворса продолжал бежать, хотя двое прохожих вздрогнули и посмотрели в её сторону.

— Ворса!

Он споткнулся, словно имя возникло у него прямо под ногами, оглядел пустой на его взгляд мосток и торопливо перекрестил губы от тумана.

Мара стояла рядом. Она слышала сестру — пока слышала — и сжала её локоть.

— Ты сказала до конца прилива.

— Только в цехе.

— Он считает себя цеховым наблюдателем.

— Значит, цена понимает не стены, а людей.

— А ты это проверила до того, как отдала голос?

Левера промолчала.

— Вот именно, — сказала Мара. — Остром хотя бы знает, когда врёт. Ты в самом деле веришь, что осторожна.

Снизу под мостками набухал белый свет. Туман не скрывал дома целиком. Он выбирал старое дерево: обвивал опоры, выползал из пазов, белил края досок, на которых когда-то стояли именные вставки. Семнадцать мест дышали в

одном ритме.

У коптильни собрались жильцы нижнего ряда. Люди принесли узлы с одеждой, корзины, клетки с птицей, детские одеяла. Мара велела открыть оба сушильных зала, погасить дальние печи и уложить доски поверх желобов. Она распоряжалась без крика, но так, что даже испуганные слышали с первого раза.

— Рыбу к восточной стене. Людей к западной. Дети не бегают возле крюков. Если кто-то потерял родственника, сначала опишите одежду, потом имя. Имя сейчас может подвести.

Левера разложила карту на разделочном столе. Красное пятно у коптильни побледнело после её обмена, но не исчезло. От него тянулась тонкая линия к слову «Левера». Четыре знака оставались ясными.

— Что ищем? — спросила Мара.

— Старую приёмную карту коптильного ряда. На найденном листе были только две опоры. Нынешний дом шире. Кто-то продлил основание позже.

— Наш отец.

— Отец коптил рыбу. Опоры ставила артель.

— Он чертил по ночам. Ты ещё спала за печью, а я держала лампу.

Левера подняла голову.

— Почему мне не рассказывала?

— Потому что утром чертежи забирал цех. Отец говорил,

это счёт досок, а не карта. Потом ты поступила в ученицы и решила, что в семье впервые появился человек, способный провести ровную линию. Я не стала портить красивую легенду.

— Где его листы?

— Если сохранились, под весами.

Большие торговые весы стояли у задней двери. На них каждое утро взвешивали ящики перед отправкой. Каменное основание вмуровали в пол, но Мара поддела ножом узкую латунную планку. Под ней обнаружился паз. Внутри лежал свёрток, пропитанный коптильным дымом и жиром.

На верхнем листе отец начертил шесть свай и поперечную балку. Линии были неровными, зато возле каждой стояли длина, порода дерева и имя человека, который отвечал за работу. Не цеховое имя — домашнее.

Левера прочла: «Садко, которого дома зовут Тихим. Тиша Венн, которую дочь зовёт Мамой-Синицей. Яром Дей, которому артель кричит Узел, когда он сердится».

— Он записал обращения, — сказала она.

— Отец говорил, имя для совета и имя для человека — разные вещи. Первое можно вырезать на двери. Вторым тебя находят в темноте.

Под перечнем шло условие обмена: артель отдаёт туману память о вкусе первой ухи до конца третьего прилива; туман удерживает шесть свай коптильни от зимней волны. Ни одно обращение не входит в цену. После срока сваи переходят на

обычное содержание жителей, а память возвращается артели.

— Честная сделка, — сказала Левера.

— Тогда почему дом отмечен красным?

Они развернули второй лист. Через семь лет после первой постройки коптильню расширили. Новый чертёж был выполнен цеховой рукой. Внизу стояла подпись молодого Острома, ещё не старшего. Цена: одна домашняя буква от владельца за постоянную защиту всех печей.

Имя владельца оказалось стёрто. Но на обороте жир оставил отпечаток, как на промасленной ткани. Мара поднесла лист к огню.

Буквы проступили зеркально.

«Мара Велей».

Мара поставила лампу так резко, что масло выплеснулось на стол.

— Мне было девятнадцать.

— Ты помнишь обмен?

— Помню, как отец лежал после горячки. Цех сказал, без второй печи мы потеряем зимний заказ. Остром принёс дощечку. Я отдала букву.

— Какую?

Мара коснулась своего имени на листе. В слове не было пропуска.

— Не помню.

— Что изменилось после?

— Ничего. Я работала. Отец поправился. Через два года умер. Ты ушла в цеховую спальню. Я осталась здесь.

— Родство? Подпись? Дом?

— Я узнавала тебя. Подписывала счета. Дом мой.

Левера перевернула лист ещё раз. Возле печати Острома виднелась маленькая приписка: «Буква хранится в праве старшей дочери на младшую».

У Леверы похолодели пальцы.

— Он взял не часть твоего имени.

— Что тогда?

— Твоё право называть меня сестрой.

Мара засмеялась — один раз, недоверчиво.

— Глупость. Я всю жизнь называла тебя сестрой.

— Потому что обмен не взыскивали полностью. Его продавали чужими буквами. Сейчас старый срок потребовал расчёта.

Словно услышав, карта на столе дрогнула. Красная линия от коптильни разделилась надвое. Одна ветвь по-прежнему шла к имени Леверы, другая легла на зеркальный отпечаток имени Мары.

В сушильном зале кто-то позвал хозяйку. Мара ответила и вышла. Через минуту вернулась с ключами, но остановилась на пороге.

— Что ты делаешь у моих бумаг?

Левера почувствовала удар прежде, чем поняла слова.

— Мара.

Сестра посмотрела прямо на неё. Глаза оставались знакомыми: серые, с тёмной точкой у левого зрачка. В них не было узнавания.

— Мы встречались на совете?

Левера открыла рот. Голос прозвучал, но Мара нахмурилась, словно слышала скрип крюка.

Цена действовала и на неё: хозяйка коптильни участвовала в цеховом приённом обмене, значит, не узнавала голос Леверы. А старый долг уже забирал право сестры.

Левера показала записку на запястье. Там по-прежнему было: «Грай. Чаша. Незавершённый обмен». Она вытерла мел рукавом и написала: «Я Левера. Твоя сестра. Мне 36. Шрам под правым коленом от твоего крюка. Ты прятала для меня яблоки в пустой бочке».

Мара прочла. На последней строке её лицо изменилось.

— Яблоки были кислые.

Левера кивнула.

— Скажи что-нибудь.

Она сказала: «Ты всегда съедала сладкую половину». Мара увидела движение губ, но смысл до неё не дошёл.

— Не слышу тебя.

Левера взяла уголь и написала на краю отцовского листа: «До конца прилива цех не узнаёт мой голос. Ты сторона цехового обмена, поэтому тоже».

Мара прочла, затем крепко выругалась. Это Левера слышала прекрасно.

— Отмени.

«Тогда туман возьмёт твоё право помнить наше родство сейчас, а не к концу прилива».

— Пусть попробует.

«Уже попробовал».

Мара посмотрела на первую записку и снова на лицо Леверы. Потом потребовала доказательств.

Левера перечисляла их письменно. Сломанный крюк, которым Мара зацепила её в детстве. Кусок синего стекла в стене над печью. Отец, называвший их двумя руками одного тела: одной рисовать, другой держать горячее. Тайник с яблоками. Три ночи у постели Мары после воспаления лёгких. День, когда Левера ушла в цех и сестра не вышла провожать, потому что плакала в соляной кладовой.

На этом Мара отвела глаза.

— Это могла рассказать она сама.

«Кому?»

— Тебе.

«Если рассказала, значит, ты знала меня».

— Знала. Но не обязательно как сестру.

Так работала утрата: не стирала события, а вынимала из них связующую нить. Мара помнила девочку у печи, ученицу с циркулем, женщину на совете. Просто ни одна не обязана была быть ей родной.

Левера заставила себя дышать ровно. Хотелось схватить Мару за плечи и потребовать: вспомни. Но память, выбитая

требованием, не становилась честнее цеховой записи.

Она написала: «Ты не обязана верить сразу. Проверь меня по вещам и людям».

Мара долго смотрела на строку.

— Это похоже на то, что сказала бы моя сестра.

В дверях появился Селв. Он вёл за руку Нея, хотя ещё ночью не узнавал сына. На шее у обоих висели дощечки. У Селва: «Ней — мой взрослый сын. Проверено домовою записью, шрамом от рыболовного крючка и памятью о синей лодке». У Нея: «Селв — мой отец. Не спорить с ним о памяти при посторонних. Давать время прочесть».

— Хозяйка, — сказал Ней, — белая вода идёт к весам.

Туман действительно просачивался сквозь каменное основание. Чаши весов качнулись без груза. На левую опустилась белая капля. Правая поднялась.

На карте имя Мары потемнело.

Левера написала Нею: «Позови Грая и Третью. Скажи: коптильня, старый обмен, нужна сторона без цехового слуха».

Ней прочёл и побежал.

Мара тем временем разложила на правой чаше вещи из карманов: связку ключей, нож, медный напёрсток, две монеты. Весы не сдвинулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.